

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 29

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-6780-4896-9

УДК: 1751

Budapest 2021

Итоги конкурса

1 место: Наталия Василькина

(Творческий псевдоним автора: Наталия Меркурьева)

Дополнительная информация от первого лица:

Я, Василькина Наталия (урожденная Меркурьева) родилась в середине прошлого века в Архангельске. Когда мне исполнилось десять лет, семья переехала в Мурманск, где я и закончила общеобразовательную школу. Затем училась в Ленинграде в институте Водного транспорта. Работала экономистом в Мурманске в Статистическом управлении. В начале девяностых переехала с семьей в деревню в Ленинградскую область. Работала бухгалтером в совхозе. Творчеством начала заниматься, когда ушла на заслуженный отдых, похоронила престарелых родителей, за которыми ухаживала до последних их дней, помогла дочери вырастить внучку.

Пишу стихи и прозу около четырёх лет. Опубликовала с помощью издательских платформ (самиздат и литературных периодических платных изданий несколько книг и отдельных стихов и рассказов). Эти занятия доставляют мне удовольствие. Начала с того, что писала мемуары о своей семье. В семье были известные люди, например, Народный артист Василий Васильевич Меркурьев, родной брат моего деда). Биографии других, неизвестных широкому кругу читателей, членов моей семьи показались мне интересными тем, что являлись отражением эпохи, в которую они жили. В своих стихах я делюсь с читателями своими чувствами и мыслями. Участвовала в нескольких литературных конкурсах. Иногда успешно.

2 место: Валерий Кириогло

Дополнительная информация от первого лица:

Кириогло Валерий Георгиевич родился 29 февраля 1956 года, в г. Сталино (ныне Донецк) Украина. Образование высшее - специалист по коммуникабельным связям. Проживает в России: Коряжма, Архангельской области. Частично, в городе Новый Оскол, Белгородской области.

С 2015 года — член интернационального союза писателей, драматургов и журналистов.

В 2015 году, был награждён Организацией Объединённых Наций ЮНЕСКО, Интернациональным Союзом Писателей, медалью имени Адама Мицкевича.

2018 год, памятен медалью Антуана де Сент – Экзюпери «За вклад в развитие русской литературы».

В 2019 году, отмечен медалью Александра Сергеевича Пушкина.

3 место: Илона Скрябина

Дополнительная информация от первого лица:

Родилась на Кубани, в семье офицера. Имею два образования. Я – творческая личность. Хореограф, Музыкант. Преподаватель. Экскурсовод по Северному Кавказу. Печатаюсь в газетах и журналах и на литературных порталах. Награждена медалью И.Бунина и дипломом Дебют года (в литературном печатном альманахе-е Союза писателей России). Проживаю в городе-курорте Кисловодске. Страсть к писательству началась с детства, юношеских дневников и писем. Спасибо за оценку моего творчества.

Содержание

Наталия Меркурьева	6
Валерий Кириогло	11
Илона Скрябина	19
Александр Разумов	25
Сам Александр	37
Алексей Тверитинов	42
Вадим Мальцев	46
Елена Ломовцева	57
Наталья Мейн	63
Макс Новиков	69
Контактная информация авторов	82

Наталия Меркурьева

Школьная любовь

Он позвонил неожиданно. Каждое утро, открывая страницу в Контакте, я вспоминала друзей и знакомых по школе и работе в Мурманске. Набирала в поисковике фамилию и среди множества однофамильцев искала своих одноклассников и коллег. Некоторых находила быстро, они принимали заявку в друзья, кого-то в интернете не было. Периодически я запрос повторяла, и, наконец-то, появился мой одноклассник Миша. Он быстро мне ответил и даже оставил номер своего телефона, позвонить по которому я не решалась. Мне всегда легче написать, чем позвонить. Звонок может отвлечь человека от важных дел, вдруг он в это время не один. И ещё много разных "но".

В Мишу я влюбилась в пятом классе. Наша семья переехала в Мурманск, когда отец получил комнату в коммуналке на проспекте Ленина. До этого мы жили в Архангельске с бабушкой и дедушкой.

Я была не худенькая, но и не полная, девочка с двумя косичками, раскосыми карими глазами. Маргарита Григорьевна, преподаватель по математике, молодая, спортсменка - лыжница, тоже впервые после окончания педагогического института стала классным руководителем пятого "в". Она по своему усмотрению рассадил учеников по партам. Меня посадила на первую парту первого ряда с Вовкой. Вовка, симпатичный голубоглазый блондин, с первого дня учебы в пятом классе влюбился в меня. Заметил ли меня Миша - не знаю. Я обратила на него внимание на уроке внеклассного чтения. Он читал стихи. Там говорилось о двух собеседниках в вагоне, которые рассуждали о Мурманске. Смысл был в том, что коренной мурманчанин имеет право говорить о своем родном городе, который он любит, и о его недостатках, а приезжий не имеет права критиковать. Миша был серьезный и посматривал на меня с вызовом. Я почувствовала, что содержание стиха относится ко мне, хотя город мне понравился сразу, и у меня не было в мыслях его за что-то осуждать.

Вовка делал всё, чтобы я его заметила, он колол меня иголкой в бок, сталкивал с парты, уперев свои длинные ноги в парту второго ряда. После школы со своим дружкой Юрой поджидал в подъезде с мороженым эскиммо на палочке. Я только смеялась, хотя мороженое брала. Дружбу с девочками не заводила. У меня была серьезная нагрузка, кроме общеобразовательной школы, я училась в музыкальной по классу

фортепиано. Другие девочки из класса между собой дружили, но мне в друзья не набивались. Они учились вместе с первого класса.

Через две недели после начала занятий в классе появилась Лена. Она в конце летних каникул заболела желтухой и три недели пролежала в больнице. Лена была отличницей в четвертом классе. А когда она лежала в больнице, ребята не догадались её навестить ни разу. Маргарита Григорьевна заметила, что Лена чем-то на ребят обижена. Поговорив с ученицей, она посоветовала подружиться со мной.

- Лена, у нас в классе новенькая - Наташа, она ещё ни с кем не дружит, помоги ей освоиться в новой обстановке.

Я о болезни Лены не знала, и, как заметила учительница, ни с кем из девочек ещё не дружила. После уроков Лена подошла ко мне и спросила:

- Где ты живёшь?

Оказалось, что все учащиеся школы № 36 проживают в соседних дворах. Дома в центре Мурманска были многоэтажные, а дворы - квадратные колодцы с несколькими арками. Фасады домов по проспекту Ленина раскрашивались светлыми красками - голубыми, розовыми, бежевыми. Во дворах же преобладали серо-коричневые тона. Лена мне понравилась, мы подружились. У неё, также, как и у меня, две косички, только светлые. Глаза у Лены тоже светлые, серо-голубые, носик немного вздернутый, осанка прямая. Она занималась художественной гимнастикой во Дворце пионеров.

Мой сосед по парте Вовка нравился Лене. Он отличник и блондин, в её вкусе. Но Лена - девочка гордая, и, заметив, что Вовка мне симпатизирует, перевела своё внимание на Мишу. Мы стали чаще проводить свободное время в компании Михаила. Вчетвером - я, Лена, Миша и его приятель Юра, тоже из нашего класса, - зимой ходили на каток, катались по парам и все вместе, взявшись за руки. Зимой центральный стадион вечером превращался в большой каток. Играла музыка, коньки выдавали на прокат. Посетители покупали билеты, переобувались, сдавали вещи в гардероб. Катались, сколько душе угодно, хоть до закрытия катка. У нас были свои коньки. Мне родители купили белые снегурки, очень красивые. Мальчишки катались на хоккейках. После катка возвращались домой, болтали обо всём, что приходило в голову. Приятели Миши иногда менялись. мне это было всё равно. Хотя каждый из них уделял мне внимание, и даже предлагал дружить, но я то ходила на каток ради Миши. Дружба Лены с Мишей не переходила в их личную дружбу. Просто Лена не так уж сильно была в него влюблена. Миша учился на четверки и тройки, он ещё не был тогда абсолютным лидером среди мальчишек в классе.

Как-то раз весной Лену позвали домой раньше. Мы с Мишей жили в одном дворе. Шли домой вдвоем, шлёпали ногами, обутыми в резиновые сапоги, по лужам, Миша нашёл круглую гладкую палочку, похожую на указку и дирижировал ею. Во дворе, перед тем как расстаться, мы остановились, Миша смотрел мне в глаза, и я тоже смотрела на него влюбленным и восхищенным взглядом. Мне даже казалось, что смотрит он с особенным теплом. Я взяла рукой острый конец указки и попросила:

- Отдай мне её.
- Зачем тебе?- спросил мальчик,
- На память, она волшебная.
- Как это волшебная? -
- Я знаю, она мне будет напоминать тебя.

В этот день, мне так показалось, что в душе Миши что-то изменилось. Наверное, он подумал, что Наташка - тоже ничего. Однако, изменить своё отношение к Лене, проявить свои новые чувства, возникшие так внезапно к её подруге, обидеть её, поссорить девочек? Он не знал, как ему поступить. Я, хоть и мечтала, что Миша когда-нибудь полюбит меня, но не надеялась. Думала, что раз Лене нравится Миша, то отбивать у подруги - предательство.

Постепенно дружба четырёх распалась, это произошло не сразу, просто встречаться после уроков стали реже. Потом мы переехали в отдельную квартиру на квартала, так назывались в Мурманске новостройки. Я перешла в другую школу, ближе к дому. После восьмого класса Миша и из школы ушел. Он хотел поступить в мореходное училище, но не прошел комиссию. Я в девятый класс вернулась в свою родную школу, но самые лучшие мальчики после восьмого класса поступили в средние учебные заведения. Класс пополнился новыми учениками, всё изменилось.

Иногда в городе мы видели Мишу. Когда учились в десятом, узнали, что он встречается с нашей одноклассницей, новенькой Аллой. Алла была красавица, пользовалась косметикой, и хоть по мнению учительницы по литературе Лидии Владимировны, была пустышкой, но пацанам нравилась.

Время пролетело незаметно. Мы закончили школу, потом получили образование. Лена стала врачом, я - экономистом. Вышли замуж. После учёбы вернулись в Мурманск и жили там с семьями. Мой муж, кстати, тоже наш одноклассник, помнил, что в школе мне нравился Миша. Он иногда встречал его в городе и рассказывал дома, что видел

Мишу, "он меня в аэропорту в ресторане обслуживал", или "он уже на личном автомобиле катается".

Миша мечтал о море, но оказалось, что он дальтоник, не различает цвета. Его не взяли в мореходное училище. Он выучился на повара, и ходил в море в этом качестве. Потом работал официантом в ресторане. А во времена перестройки занялся ресторанным бизнесом и преуспел в этом. Дальнейшая его жизнь была мне известна по рассказам общих друзей и знакомых. Говорили, что он стал авторитетом криминального мира. На его совести есть жестокие преступления. Что он живет в Санкт-Петербурге, и известный сериал "Бандитский Петербург" не так уж отличается от его реальной жизни, что он богат. Что он был женат несколько раз. У него есть дети. Я и верила, и не верила, думала, что не может этот человек быть несправедлив. Время на наше поколение пришлось нелёгкое, разобраться в том, что происходило, было трудно. Добиться правды честным путём - ещё труднее. Миша никогда не был слабым, и путь, который прошёл, видимо, был не простой.

Голос у него не изменился, бодрый, весёлый, он спросил так, как будто не было этих долгих лет разлуки:

- Знаешь, где я сейчас нахожусь? -

- Не знаю, где же?

- Мы в Краснощелье, прилетели сюда на вертолёте. Я знала, что эта местность находится в отдаленном районе Севера, в Хибинах, там, когда я работала в статуправлении, мы всегда проводили предварительную перепись населения, так как район считался трудно доступным.

- Как ты живёшь? Ты замужем? - спросил Миша, он знал, что с первым мужем мы расстались, значит, интересовался своими одноклассниками.

- Да, замужем, - и я начала рассказывать Михаилу о себе, о Лене, о Сашке; - но его там кто-то торопил заканчивать разговор.

Миша стал прощаться:

- Наташа, я скоро вернусь в Питер, я к тебе обязательно приеду.

- Я буду очень рада.

- Позвони мне после десятого февраля.

- Хорошо. Разговор прекратился. Я стала думать, как встретить, чем угостить, о чем говорить, размышляла. Смущало то, что живу не богато, похвалиться не чем. Ну да его, наверное, трудно чем-то удивить, если он имеет возможность арендовать вертолёт для развлечения.

Ладно, что есть, пусть так и будет. Поверила, что приедет.

На следующий день в новостях промелькнуло сообщение, что в Хибинских горах разбился вертолёт. У меня что-то оборвалось в сердце.

Позвонить Мише я так и не решилась, хотя его номер и сейчас забит у меня в контактах мобильного телефона. Он тоже больше не позвонил. В социальных сетях не появлялся, там есть у него в друзьях племянники, дети, но я не знаю этих людей, как представится. Да и зачем? Я уже сильно постаревшая женщина, бабушка. Пусть останется надежда, что он жив, что у него всё хорошо. Он иногда снится мне. Во снах он всегда нежен, смотрит так, как тогда в детстве. Эти сны успокаивают, помогают выжить. Первая любовь не умирает, даже если это безответная любовь.

Валерий Кириогло

Две Мари

Мария проснулась, сладко потянулась и улыбнулась солнцу, которое золотыми лучами ворвалось в комнату и заполнило её сказочными фигурками на полу и на стенах. Несколько фигурок маленькими дольками спелого апельсина рассыпались по её телу. Она нежно, прижала их ладошками к животу и почувствовала биение новой жизни, связанной с таинством рождения. Мария засмеялась и подумала о том, что может быть ее малыш, так же как и она слышит громкое чириканье воробьёв, доносившееся с улицы. Видимо, они радостным пением провожали суровую и голодную для них зиму. Несмотря на то, что на календаре ещё красовалось сочное "февраль", во всём уже угадывалось присутствие весны. Её дыхание, словно врачующий душу бальзам, воскрешало в ней красоту, осознание которой, в конце концов, спасёт мир. И тогда в апреле, когда зацветут сады и воздух наполнится сладостным ароматом, они втроём - она и Гриша с розовощёким малышом на руках - пройдут по той улице, в пыли которой бегали босиком ещё её прадеды. Она представила себе широко распахнутые глаза малыша, удивленно смотрящие на этот чудный, наполненный всеми красками радуги мир. Она боялась называть малыша каким-либо именем, так как приметам доверяла более чем своему разуму. Однако в то, что это будет обязательно мальчик, она верила без колебаний. Да и её мать говорила, сначала принесёшь в дом мужика, так как мужиков после войны совсем мало.

Несмотря на то, что после войны прошло пятнадцать лет, мужиков действительно не хватало. Женщины выполняли даже те работы, которые ранее считались чисто мужскими. Только недавно женщин вывели из шахты, а до этого многие из них, в том числе и Мария, испытали на себе всю пагубность подземного труда.

В печи мирно сладостной песней потрескивал уголь, превращаясь из камня в ласковую, дышащую теплом тишину. В эту минуту Мария с благодарностью подумала о муже. Он, уходя на работу, растопил печь, чтобы ей не было холодно. Всё-таки какой он у неё внимательный и ласковый. Мария познакомилась с Гришей на шахте. Он работал в проходке, отличался вспыльчивым характером, но Мария его очень любила.

Снова сладко потягиваясь, поднялась и опустила ноги в тёплые домашние тапочки, связанные ею из распущенного старого коврика. С

иконы в противоположном углу на неё глядела счастливая Дева Мария с младенцем Иисусом, который, в отличие от неё, глядел задумчиво и печально. Широко открытые глаза, отражая Его душу, как бы говорили о том, что Он знает конец своего пришествия в этот мир. Склонив колени перед ними и прочитав молитву "Отче наш", Мария начала собираться в магазин. Уже выходя из дому, она ещё раз встретилась взглядом с глазами Богородицы. Марии показалось, что взгляд её вдруг погрустнел. Поставив вместо замка веник со стороны двора на двери, что говорило о том, что дома никого нет, она направилась по улице в сторону магазина, который находился довольно далеко от хаты. Последнее время снег днём таял, а вечером начинал подмерзать. Как будто календарная зима понимала, что ей ещё не время уходить. Дорожки были покрыты редкими ледяными островками, и опасность как раз в том и заключалась, что их было немного, и на них мало кто обращал внимание. По дороге в магазин мысли Марии снова возвратились к образу деви Марии. Её красивое лицо - это истинный Божий шедевр. Женщине вдруг стало жаль Матерь Божью, и какая-то неприятная тяжесть легла на её душу. Она то и дело задавала сама себе вопрос: интересно, знала ли Мария, радуясь рождению сына, какие страдания её ожидают? Она вдруг отчётливо представила себе, как тяжело было Марии стоять у креста, на котором был распят Иисус, её любимый сын. Видеть Его мучения, знать, что Он скоро умрёт, и в то же время чувствовать и смириться с тем, что ты ничем не можешь помочь тому, кто тебе дорог больше жизни. Именно сейчас Марии казалось, что она как никогда ранее понимает свою заступницу. Неужели Всесильный и Всемогущий Бог не мог избавить бедную женщину от таких мучений? Почему именно в тот момент, она должна была оказаться рядом с сыном и испытать невыносимое горе от страданий своего любимого дитяти?

Ласковый, залетевший из наступающей весны ветерок приятно касался её лица. Ничего не предвещало беды. И вдруг...

Едва Мария почувствовала ледяной островок под ногой, как земля покачнулась, как-то по-особому блеснуло солнце, а за ним - кромешная тьма и бездонная черная яма, в которую Мария падала, падала, падала...

Мария открыла глаза и пыталась понять, где она находится. Молоденькая медсестра с кудряшками на висках радостно улыбнулась ей и закричала на удивление сильным голосом:

- Пётр Иванович! Пётр Иванович! Она пришла в себя!

Пётр Иванович, чем-то неуловимо напоминающий доктора Айболита, видимо, ждавший этого зова, быстрым шагом направился к ней. Присел на краешек кушетки:

- Ну-с, голубушка, прежде всего, давайте знакомиться. Потому что мы не знаем, как вас зовут. Мужчина, который вас подобрал на дороге, также ничего о вас не знает. Мы даже не смогли сообщить о вас близким родственникам. У вас муж есть? Как его зовут? - Он по-отечески взял её за руку.

А она совершенно не чувствовала своего тела. И вдруг, как проблеск молнии - "Я потеряла ребёнка!" Ребёнка нет! Её сознание снова поглотила белая пелена, из которой с грустью на Марию смотрели пронзительно-сочувствующие, полные слёз глаза Девы Марии...

- Голубушка, не уходите, - словно из космоса слышала Мария голос доктора, который пытался удержать ее сознание, хлопая ладонью по щекам. Она ухватилась за этот голос, как за спасительную соломинку... Пелена стала рассеиваться, и из нее вырисовалось лицо доктора с глазами Девы Марии.

- Я потеряла ребёнка? - первое, что спросила Мария у доктора.

- Крепитесь, милочка! Как вас зовут?

- Мария.

- Вот и славненько. Вы находитесь в Донецкой областной больнице. Вашим родным и в голову не придёт искать вас здесь. У вас дома есть телефон?

- Нет, - встрепелась Мария. - Надо позвонить на почту. Там передадут. Но, доктор, не говорите мужу о том, что наш малыш погиб. Я сама ему скажу... - захлебнулась слезами Мария.

- Попробуйте успокоиться и отдохайте, а потом мы с Вами ещё поговорим. Желательно до приезда Вашего мужа.

Когда врач ушёл, Мария дала волю слезам: почему именно её долгожданного ребёнка, которого она успела полюбить всей душой, Бог призвал к себе? Она не могла понять, почему её Бог так наказывает? После того, как кончилась война, отцы её подруг все возвратились домой живыми, и только её отец так и не вернулся с фронта. Этим подругам, несмотря на то, что они не хотели учиться, Бог дал возможность учиться. А она, имея влечение к наукам, не смогла полноценно заниматься в школе. У неё даже не было возможности зимой ходить в школу. Их семье из семи человек было трудно жить на скудные трудовые матери, которые она получала из колхоза. За отца, пропавшего без вести, пенсию долгое время не давали. У них было одно пальто на трех сестёр, и носила его чаще старшая сестра, а ей, как младшей, обычно доставалось сидеть

дома и нянчиться с младшим братом. Чтобы хоть как-то выбраться из нищеты, она ещё девочкой пошла, работать на шахту. Так почему же Господь всегда был так несправедлив к ней?

К вечеру снова пришёл Пётр Иванович и сказал, что её мужу передали, где она находится. Расспросил её, как она живёт с мужем, и, в конце концов, коснулся самого главного:

- Машенька, крепитесь. То, что вы потеряли ребёнка, это ещё не самое страшное. Страшно то, что вы уже никогда не сможете иметь детей. Но я хочу Вам кое-что предложить. У нас в настоящее время молодая девочка родила семимесячного ребёнка и сбежала, оставив его в больнице. Она отказалась от малыша. Подумайте, вам судьба даёт шанс. Никто никогда не сможет сказать, что это не ваш ребёнок. Всё зависит от вас...

Через месяц Марию выписали. Она со страхом ждала встречи со своей матерью. Как родные встретят её с малышом? Не поймут ли они, что это не её родной сын? Она уже успела его полюбить, для неё ребёнок был как родной. А из-за того, что его такого маленького бросили, он стал ей ещё ближе и дороже. Тем более что он был одного возраста с её сыном - семимесячным.

В роддом приехали Гриша с мамой. Та же молодая сестричка, Валя, в чистеньком белом халате, как всегда с обаятельной улыбкой, вынесла малыша и передала Грише. Мать Марии внимательно всматривается в лицо младенца и радостно восклицает:

- Ну, вылитый Гришка!

- Наша кровь! - гордо отвечает муж.

Страх отхлынул от сердца Марии, и она загадочно улыбнулась:

- А как же по-другому: на всё воля Божья.

Уже дома, глядя на образ Богородицы с младенцем Иисусом на руках, Мария подумала:

- Я пережила, то, что пережила ты. - А потом, спохватившись, упала на колени и в молитве прошептала: - Нет! Нет! Прости! Я потеряла ребёнка, не вырастив его. Я не сидела у его постели ночами, когда он был сильно болен. Я не слышала его первого слова - "мама", не видела первых шагов, и после всех этих материнских радостей - не лишилась его. Поэтому прошу тебя, заступница: спаси и сохрани моего сына. Не дай мне еще раз пережить его смерть.

Шёл апрель 1960 года. Розовощёкий малыш удивлённо смотрел на этот прекрасный, цветущий мир. Ему только предстояло познать прелесть розы и боль от укола её шипов, как, впрочем, первую любовь, разлуку и войну в Афганистане...

Пути Господни неисповедимы

Павел сидел, в предбаннике. Табачный дым всё больше и больше закрывал свет висевшей под потолком единственной целой лампочки. Шахтеры, по традиции, прежде чем идти под душ, садились на длинную, крепкую лавку и курили сигареты. После шестичасового воздержания от курения в шахте яд казался для них блаженством. Сегодня анекдоты уступили место обсуждению предстоящего собрания с повесткой дня: «Досрочное выполнение годового плана». Однако Павел не стал слушать речи Сиротина и Примакова и ушёл мыться. Он их относил к категории людей, умеющих высказать правду: на кухне, под забором или в бане. Далее этого их ораторское красноречие превращалось в положительное подмахивание головой в такт сказанного вышестоящим начальством.

Когда он вышел на улицу, то закурил сигарету и стал ждать бригаду. Ласковое сентябрьское солнышко после мрачного плена шахты, глубиной в тысячу метров, казалось неким целебным бальзамом для души, и шахтный двор радовал глаз. Бронзовая статуя молодого статного шахтёра была дополнением этой сентябрьской сказки. Только скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и он вместе с шахтёрами пошёл в «Красный уголок» на собрание.

Начальник участка, Ребров Иван Иванович, мужчина лет пятидесяти по прозвищу Колобок, без приветствия и всяких вступлений сказал:

– Товарищи, приближается 50 лет Советской власти. Мы должны достойным трудом встретить октябрьские праздники и выполнить досрочно годовой план по добыче чёрного золота. Так как ваша бригада на сегодняшний день является передовой, мы решили дать вам новый участок!

В бригаде работали проходчики, имеющие огромный опыт работы в шахте. Бригадир Василий Куценко был Героем Социалистического труда. Остальные члены бригады были также отмечены орденами и медалями. Бригаде выделяли самые лучшие участки. Новичков в эту бригаду брали только по блату. Получая в месяц около семисот рублей, они отдавали через бригадира начальнику участка по 100 рублей. В то время многие работники других отраслей получали примерно такую зарплату. Теперь же, после сказанных слов Ребровым, имеющие опыт шахтёры понимали, что стали заложниками хороших отношений с начальством. Ситуация была как у той мыши: лакомый кусочек мог стоять жизни. Тягучая мёртвая тишина повисла в воздухе зала, словно дамоклов меч.

Павел вспомнил слесаря по кличке Чахлый, у которого на груди была наковка Ленина и над ней большие буквы «ВОР». Этому произведению было своё объяснение, к которому нельзя была придраться: ВОР – Вождь Октябрьской Революции. И он с иронией подумал: «Ты смотри, как победа Великой Октябрьской Революции изменила нашу жизнь. Благодаря этому преобразованию мы обязаны выполнить досрочно годовой план. А ведь ещё каких-то сто лет назад сюда, на угольные рудники, высылали дерзких, непокорных властям убийц. В тридцатые годы, сюда изгоняли «врагов народа», которые, в сущности, были трудолюбивые зажиточные хозяева, не желающие работать в колхозе на дядю. Теперь же, по сути, здесь, в основном, сидели их потомки. Куда девался дух свободы, дух непокорности к несправедливости? Видимо, мы измельчали. Нас так запугали, что мы боимся высказать своё мнение. Да и что можно сказать в оправдание; многие те, кто говорил правду в лицо руководителям, по сути, ничего не добились кроме тюремных нар да неизвестных холмов над своими могилами».

Сам Иосиф Виссарионович, не окончивший Духовной семинарии, изучал то, как Моисей вывел народ израильский из Египта и сорок лет водил по пустыне, пытаясь избавить его от рабского духа. Однако, видимо, цель Товарища Сталина состояла в том, чтобы ~~не~~ избавить народ от раболепия, а навязать его ему. А для этого он со своими соратниками заменил Святую троицу – Отца, Сына и Святого духа, которая призывала, не создавать себе кумира – на революционную троицу: Маркса, Энгельса и Ленина. Видимо, Моисею, надо было бы поучиться у Сталина. Он за тридцать один год власти в СССР сумел воспитать народ на своё усмотрение.

Сталина давно не было, но его идеи оставались жить. В народе ходила такая шутка: половина населения сидит, а другая половина их охраняет. Среди коммунистов было немало хороших людей, к сожалению, бездумно выполняющих директивы партии, веря в их правильность. Ради этого они могли принести в жертву множество людей и пример тому – голодовка. О ней Павел знал не понаслышке. Его отец во время войны был застрелен румынским солдатом возле дома. За то, что не хотел отдавать ему свою собственную корову. После гибели отца, во время голодовки умерли: сестра, мать и младший брат. Старшего брата за несколько колосков пшеницы, сорванные с колхозного поля для спасения семьи, посадили. Отбывал наказание он недолго, так как после смерти Сталина попал под амнистию и вернулся домой. И всё же Павел с ним не увиделся, так как был послан служить на шахты Донбасса

одесским военкоматом. Его, как сироту, государство послало с Молдавии в Одессу учиться на строителя. В сущности, для Павла, это было спасительным решением, и он, впоследствии женившись, так и остался жить и работать в городе Макеевка Донецкой области. Размышляя над этим, Павел медленно встал и сказал:

– Иван Иванович! Вы же знаете, что этот участок опасен. Неужели мы опять ради каких-то показателей должны рисковать своими жизнями, благополучием своих семей и покоем своих близких? Вы считаете, что предки присутствующих здесь шахтёров, погибших за их счастье, одобрили бы Ваше предложение?

Лицо Реброва вдруг стало красным. Он взглянул на Павла таким ненавистно-горящим взглядом, словно хотел испепелить его. В следующее мгновение, словно боясь лопнуть от злости, он стал с силой выталкивать слова вместе со слюной. В его речи было столько недовольства, что казалось, если слюна попадёт кому-то на тело, с тем произойдёт летальный исход. И всё же концовка его пламенной речи была иронична:

– Знаешь, Павел Константинович, если ты боишься, то можешь сидеть со своей женой на печи. И если вы, – он обратился к бригаде, – думаете так же, я уговаривать не буду и отдам участок другим. Только вы впоследствии не обижайтесь и не подходите ко мне с вопросом: почему у нас маленькая зарплата?

Все сразу зашумели, словно рой пчёл, вырвавшийся на свободу после холодной зимы. Павел был удивлён тем, что никто его не поддержал, а наоборот он услышал в свой адрес укор, что не посоветовавшись с бригадой, берёт на себя смелость решать за всех. У Павла всё внутри закипело и в то же время похолодело, и он, не удостоив никого из сидящих шахтёров взглядом, вышел из зала. Как же так! Почему бригада не поддержала его? Видимо, дружба давно не в цене, если её готовы люди предать ради денег. Они, что, бояться потерять лопаты? Или бояться за участок, который даже крысы, попавшие с лесом в шахту, спешно покидают, чувствуя опасность. Вот с такими мыслями он, сам не замечая, вошёл в пивной бар «Ветерок».

За столиками стояли, в основном, знакомые шахтёры, ребята из других бригад. Все о чём-то говорили, спорили. И удивительно, что это никому не мешало говорить. Из-за заднего столика его окликнули, и он увидел Витьку, родного брата своей жены, который жил по соседству. Павел подошёл к нему, и вместе с его друзьями начал распивать «ёршик». Существенная опасность, которая подстерегала их здесь.

Это милицейский воронок, который шахтёры окрестили луноходом. И в этот день, как назло, он здесь появился. Павел, усталый после ночной смены, смешав пиво с водкой, быстро окосел. Увидев это, милиционеры подошли к нему. За их напущено-грозным ликом морали скрывалась радость за возможность выполнить план по задержанию пьяниц и получить к зарплате премиальные. Несмотря на уговоры со стороны шахтёров простить Павла, милиция его забрала в вытрезвитель. К сожалению, бригада в ту ночь погибла, а Павел, благодаря своему неумному характеру, остался жив. Вот уж действительно: пути Господни неисповедимы. Напился и живи.

Илона Скрябина

О еде и не только

«Мы живем в беспокойное время. Люди стали много кушать и мало читать.» Григорий Горин.

“Belles paroles ne font pas bouillir la marmite.”

Я люблю готовить еду. Даже не есть, а сам процесс приготовления пищи. Здесь можно в разных темпах: быстро, медленно, умеренно. Это всё зависит от времени и настроения.

Все, кроме кислорода, человек получает для своей жизнедеятельности из еды. Питание: одно из основных жизненно необходимых условий существования человека. Пища является источником энергии. Питание влияет на состояние здоровья, работоспособность, настроение и продолжительность жизни человека. Другими словами, переоценить ее важность очень тяжело.

«Война войной, а обед — по расписанию». Фридрих Вильгельм. I

Кулинария - это творчество разума и свобода действий без ограничений. Психология такова, что на кухне, как правило передвигаешься один. Это твоя личная зона, твоё пространство. А если из радиоприёмника доносится знакомая мелодия и припева, подтанцовывая настроение улучшается, психическое состояние в норме – никто не раздражает!

На плите что-то шкварчит, ножик по доске отбивает бит; а запахи, цвета мmmm....

Вкусно, не вкусно-не так важно, главное-сам процесс. А вкушение пищи за трапезой-это и культура воспитания, и удовольствие. Вкус-понятие сугубо личностное: нравится – не нравится.

«Нет любви более искренней, чем любовь к еде.» Джордж Бернард Шоу.

Но наслаждение от того, что близкие хвалят твою стряпню, ещё более усиливается. Похвала приятна, что уж там скрывать? Тщеславие. Это уже результат. Оценка твоих действий, которые хочется повторять вновь и вновь, и совершенствоваться в этом направлении.

Радовать и себя, и своё окружение. Приготовленная пища с любовью, чувствуется интуитивно на расстоянии.

«После хорошего обеда можно простить кого угодно». Оскар Уайльд.

Вот где процесс имеет и начало, и конец. А ассоциации о поварах, как о больших и добрых людях в белых колпаках и в халатах, перепачканных мукой, от которых пахнет свежесвеженным хлебом, сложились с детства.

Большой плюс, что приготовление пищи не зависит ни от социального статуса, в иерархии нашего общества, ни от кошелька-здесь все равны. Из минимума можно сделать максимум и наоборот.

Главный психологический аспект- оптимизм!

«Есть и пить нужно столько, чтобы наши силы этим восстанавливались, а не подавлялись.» Марк Туллий Цицерон.

«Избыток пищи мешает тонкости ума». Луций Анней Сенека.

А с молитвой приготовленная еда, и с молитвой вкушаемая – это великая сила, которая даёт нам питательные вещества и для души, и для тела.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь!».

Что такое любовь? Или Любовь это

«Я люблю тебя и буду любить, пока не перестану дышать. Я это твердо знаю. Ты мой горизонт, и все мои мысли сходятся к тебе. Пусть будет что угодно — все всегда замыкается на тебе. Эрих Мария Ремарк «Триумфальная арка».

Любовь - это когда стоишь у окна и смотришь на след от колёс, отъехавшей машины.

Любовь - это когда вдыхаешь аромат, оставшийся на подушке, после его(её) ухода.

Илона Скрябина «Что такое любовь? Или любовь это»

Любовь - это когда летишь на всех парах по первому звонку на такси, бросая все свои попечения.

Любовь - это когда по первому свистку, стоишь на обочине как суслик, на задних лапках, в ожидании...

Любовь - это когда отдаёшь всё до последнего гроша, да и не только финансово-материального.

Любовь - это когда отдаёшь любимому(мой) своё время, молодость, здоровье, все силы-духовные, душевные - забывая обо всех и вся.

Любовь - это когда снимешь розовые очки - наступает полное и глубокое разочарование, и наступает время холодной и расчётливой логики.

Любовь - это скрытый эгоизм.

Всё отдавая, мы знаем, ради чего на это идём и что получим взамен.

Отдаём и получаем осознано.

Любовь - это когда страсть одолевает тебя.

Любовь - это отчаяние и ужас от длительного одиночества, это всё накопившееся в тебе за долгие годы - взорвавшаяся бомба.

Любовь - это искра, столкновение в твоей башке нейронов, которые в итоге станут на свои места.

Любовь - это когда тебя уважают, ценят, берегут и заботятся.

Слова «любовник» (любовница) произошли от слов- любить, любовь.

Любовь - это когда чувство проверено временем, в отличии от быстрой и скоротечной влюблённости.

«Подумай обо мне, и я буду с тобой, потому что мы с тобой любили друг друга только одно мгновение, но навеки. Александр Куприн «Гранатовый браслет».

Русские слова и фразы

***Благодарю – благо(тебе) дарю (дарение, дар).

Совесть – совет(Божий).

Спасибо – спаси (тебя) Бог.

Судьба – суд Божий.

Свекровь – своя кровь.

Разумно-раз ум(разум)

***Душа, как мера измерения.

- Поел от души
- Поработал от души
- Смеялся от души
- Напарился от души
- Любил всей душою
- Молился от души (всем сердцем).

***Золото

- Золотое слово
- Золотое сердце
- Золотые руки
- Золотое правило

***Мука, мученичество, великомученичество.

***Смирение.

- Я работал и терпел
- Я жил и терпел
- Я болел и терпел
- Самовоспитание
- Самоедство

Женские рассуждения

Всегда хочется лучше, а получается, как всегда.

В.Гюго: «Человек ждёт помимо своей воли, зная, что ждать уже нечего».

Вера умирает последней.

«Не выворачивайся наизнанку, не выпрыгивай из штанов, всё равно никто не оценит!», часто я слышала такие реплики. Женщина, как кошка, в этом агрессивном- безумном хаотичном и лживом мире, ластится, трётся о ноги, ищет ласки, тепла, внимания к себе, заботы. Не дождавшись, как кошка, убегает и гуляет сама по себе. И в подвалах, жилых многоквартирных домов, вылизывает впоследствии своих котят.

Есть и другие пути: стервы уже в тренде. Современных амазонок

боятся все: от мала до велика. И они опасны в другом облиии. Опасны не для себя, а для близких и общества. Современные амазонки-охотницы ничем от древних не отличаются, если только внешним видом и не на лошадях, а на машинах. Так же хитры, коварны и умны.

Психология женского организма слёзы: девичьи, старческие – всегда находят объяснение. Это гормоны, защитная реакция. Из серии подушка-подружка.

Плачьте и будьте счастливы. Только этот миллионный плач одиноких, недолюбленных, глубоко несчастных женщин раздаётся хором всё сильнее и сильнее! Как дерево, от ветра, женщина гнётся, но не ломается.

«Сама себя раба бьёт, что неправильно живёт».

Женщина-мать виновата во всём: нет денег-транжира, не экономная; в доме грязно – плохая хозяйка; дети плохо учатся, болеют - плохо за ними смотришь и воспитываешь; муж пьёт, гуляет, изменяет – женщина не создала должный микроклимат в семье.

Леди в гостиной, блудница в будуаре, хозяйка на кухне, примерная мать для своих детей, и не только своих - многим приходится и чужих растить. И при этом не уставать, высыпаться и за собой следить и хорошо выглядеть.

Требования общества к женщине достаточно высоки! И больше всего они страдают и мучаются или сами от себя, или от других

представительниц слабого пола. Один из тысячи выпадает жребий счастливого билета!

Не родись красивой, а родись счастливой! Вера, надежда, любовь – слова женского рода.

И этого ни у кого не отнять.

- Самокритика
- Самоуважение
- Самолюбие

Александр Разумов

Победа

Каждый ухаб разбитой дороги отзывался мучительной головной болью и тошнотворной тяжестью в животе. Похмелье было не просто мучительным, оно было невыносимым. Понимая, что он может начать блевать в любую секунду, Сергей безнадежно посмотрел в сторону заднего борта тентованого «Урала». Пробраться туда, через колени, оружие, рюкзаки вариантов не было. Табачный дым удушливой лапой заползал внутрь, усиливая приступы тошноты. «Урал» съехал с дороги, объезжая село, тряска стала невыносимой.

Столкнув с коленей автомат, Сергей привстал, пытаясь откинуть тент над передним бортом. Кое-как справившись с брезентовыми ремнями, он освободил небольшую щель и высунул голову. В лицо ударило сырым февральским ветром. Тошнота на секунду ослабела, но очередной ухаб швырнул внутренности к горлу, и желудок вытолкнул из себя кислое месиво, которое несколько часов назад было выпивкой и закуской. Через полминуты ноющие внутренности и раскалывающаяся голова уже не «напрягали» так невыносимо. Теперь это просто вопрос времени – пускай ноют.

«Урал» остановился. Снаружи раздалась команда – «Всем оставаться в машине!». Повелительные нотки в голосе командира фальшивили. Люди, матюгаясь, начали вылезать из машины, грузно переваливаясь через задний борт. Затекшие ноги не выдерживали веса экипировки. Самые предусмотрительные медлили, ожидая реакции командира.

- Кому-то не ясно?

Никто из вылезших бойцов на вопрос не отреагировал. Из-под тента слышался мат явно в адрес говорящего. Вопросов больше не было. Командир обвел глазами нетерпеливых, откладывая свою мелкую месть до более подходящей обстановки.

Командира не любили. Его властный тон был неестественным и почти всегда вызывал презрение и желание оказать неповиновение. Отчасти, это было вызвано тем, что в ответственные моменты, когда отряд попадал в опасные ситуации, командир вел себя неуверенно и трусил. Кроме этого, его нелепая принципиальность, в отношении мародерства, пьянства, жестокого обращения с гражданскими, были не уместны и вызывали раздражение. Но до некоторого времени его авторитет был достаточным, чтобы не допустить открытого бунта...

Через минуту уже все омовцы выбрались из-под тента. Разговоров почти не было. Люди закуривали, отходили на несколько шагов в сторону помочиться, заглядывая в голову и хвост растянувшейся колонны. Командир с замом и взводными пошли куда-то по ходу колонны.

Сергей знал, что похмелье отпустит только к середине дня. На предстоящей зачистке, что-то делать не было ни азарта, ни желания. «Откуда такая непонятная жажда напиться до полной «отключки» - устало думал он. Вчера понимая, что все уже расплывется по спальникам и ему тоже придется ложиться спать, он налил почти треть в эмалированную кружку крепко разбавленного спирта и выпил за несколько глотков, доходя до необходимого состояния ...

Двухметровый громила Александр Мантуров, замещающий в этой командировке командира взвода, подошел к Сергею:

- Сэм, ну что – работаем как в прошлый раз. С нами будут «спецы», сколько будет улиц пока не ясно. Вообще, держимся своей группой.

Мантуров был одним из немногих офицеров, который немало послужил в бойцах и, став командиром взвода, оставался своим человеком. Он почти не пил, но и не одергивал тех, кто пьет. Чего это ему стоило, сказать было трудно, но сейчас конфликта между ним и взводом не было.

- Все, давайте, залезаем в машину.

Голос замкомандира Саленко, в отличие от командирского не раздражал. Многие его не любили, справедливо предполагая, что когда-нибудь он всех «заведет». Саленко методично устраивал ночные засады и был инициатором опасных мероприятий. Наверное, за это Сергей и уважал его. Он знал, что неприязнь к Саленко у многих происходит не только от лени, но из интуитивного желания избежать рискованных мероприятий. Впрочем, после того, как начались действительно серьезные операции, некоторые и вовсе перестали скрывать свою трусость. Интересно, что это состояние у них вместо стыда порождало какую-то даже агрессию. «Нам за это не платят», - орали они. И уже без криков прибавляли: «Пусть берет придурков со второго взвода, с ними и ходит».

Сергей был одним из этих «придурков», а может быть даже, одним из самых придурочных. Впрочем, он презирал не только тех, кто не стеснялся обнажать свою трусость, но и просто людей, отличающихся от их "дурной" компании хотя бы и отсутствием ненависти к местным. Пьяный Сергей часто искал конфликта и ссоры, вслух выражая свое презрение. Ему отвечали молчаливой взаимностью...

Колонна двинулась вперед. Несколько машин свернули в сторону села. Понадобилось около часа, чтобы окончательно замкнуть кольцо, и все заняли исходные позиции. Омоновцев разбили на две группы по десять человек, выделив две параллельные улицы, соединяемые редкими переулками. Спецназ внутренних войск в этот раз работал вопреки ожиданиям, отдельно.

Проверив два крайних дома, бойцы второго взвода рассредоточились. Несколько минут прошли в напряженном ожидании команды, идти вперед. Когда ноги присевших за деревьями омоновцев начали затекать, а вдоль улицы всё ещё не видно было ничего подозрительного, бойцы один за другим начали вставать. Прошло еще несколько минут. Вдалеке по улице дорогу пересекли несколько женщин. «Хороший знак», - подумал Сергей – «Была бы опасность – бабы не шарились бы...

Несколько первых домов отработали очень тщательно. Дома были бедные и пустые. Чувство опасности отпускало очень быстро. Наконец в домах стали попадаться люди. Все происходило как обычно – людям предлагали выйти во двор с документами, а в доме и хозяйственных постройках начинался «шмон».

Проблем не возникало – жильцы подозрений не вызывали. Это были старики, женщины и дети. Попадались и беженки с грозненской пропиской, но придирается к бабам смысла не было. Дома были даже не зажиточные, а откровенно бедные. Перерывая тряпье в шкафах, и расшвыривая пожитки беженцев никто, понятное дело, и не рассчитывал найти в них какой-то криминал. Все это делалось по инерции, это была просто «работа».

Впрочем, вся снисходительность прекращалась, когда дело касалось мужчин. Если местной прописки не было у мужчины, не важно – юноши или пожилого человека, или даже просто рослого подростка – его следовало задержать. Эти задержания довольно часто заканчивались для мужчин «пропажей без вести», но до некоторого времени, Сергей это не записывал на свой счет. Задержанные передавались кому-то, а, следовательно, и думать больше об этом не было смысла...

Тишину разрезали несколько очередей. Где-то совсем рядом... Соседняя улица... В груди Сергея, как и всегда в таких ситуациях, началось движение, которого он не то чтобы стыдился, но которое было ему неприятно, наверное, еще и оттого, что он не мог его контролировать. Именно поэтому выдавать это состояние он не хотел. Получалось не всегда. Но сейчас его вопрос прозвучал почти равнодушно:

- Саня, спроси, что там. Может, что интересное?

Мантуров монотонно начал по рации запрашивать обстановку у первого взвода, работающего на соседней улице. Его в эфире начал перебивать голос Саленко, спрашивающего о том же. Вместо ответа с соседней улицы протрещали еще несколько коротких очередей, затем заверещали женщины и снова выстрелы. Сзади по улице к группе Мантурова подъехал омовский «Урал». В кабине, кроме прикомандированного водителя, с рыжей бородой сидели Саленко и замкомвзвода Григорян. Саленко, высунувшись, прокричал:

- Мантуров, это где?

- Да, вроде на соседней, Иваныч.

- Так, Григорян, остаешься здесь, со взводом. Мантуров, Сэм, Женя, Костас и Макс в машину. Григорян, доходите до переулка и ждете команды. Очень внимательно...

Бойцы полезли под тент. Сергей запрыгнул на крыло «Урала». Машина свернула в переулок. Впереди вдоль улицы пролетел «бэтор» со спецнами. Доехав до перекрестка «Урал» свернул по ходу его движения. Женские вопли усилились. На улице было заметно движение. Первый взвод рассыпался напротив дома. Человеческие фигурки лежали или сидели на корточках за укрытиями. Спереди и справа дом полукругом окружало не меньше двадцати женщин.

«Урал» остановился метров за пятьдесят до дома. Саленко побежал к бойцам первого взвода. Там уже стоял БТР, развернув башню с КПВТ в сторону дома. Спецназовцы, готовые и умеющие работать быстро и жестко, поневоле оказались «не в своей тарелке». Солдаты-срочники, ждали команды от своего старлея. Тот же, в свою очередь, поглядывал на двух ментовских подполковников. В конце концов, понимая, что сейчас, оставаясь напротив дома, он просто подставляет технику и людей, он скомандовал отогнать бронетранспортер чуть дальше, на более выгодную позицию.

Женщины голосили. Как оказалось, дом был просто «забит» тяжелоранеными боевиками. Это была часть основной группы, оставившей Грозный и прорывавшейся в сторону гор. От села к селу они шли, попадая в череду окружений и прорывая их, не считаясь с потерями, оставляли тяжелораненых в селах практически на верную смерть.

Сергей, присев за лежащей бетонной трубой, смотрел то на дом, то на Саленко с командиром. Командир нервничал, но попытался что то выдавить из себя. Это была такая нелепость, что Саленко отошел к бойцам второго взвода.

Неприятное движение в груди Сергей продолжалось. Он с тоской посмотрел на Саленко - «Сейчас скажет, что надо идти в дом... И ведь придется идти...»

- Так парни, сейчас даем залп по дому и идем внутрь.

«Идиотский план», - подумал Сергей. И, чтоб хоть как-то это выразить, сказал, особо ни на что не надеясь:

- А бабы? Че с ними делать-то?

- Так все! Стреляем по окнам. В баб не попадать...

«Придурок», - без злости подумал Сергей. Женщины неожиданно подались налево, полностью освобождая фасад дома. Проследив их движение, Сергей с изумлением увидел, что к женщинам подходит командир....

- Все, огонь!

Стрельба из десятка стволов грохнула одновременно. Пули, разбив стекла, секли оконные рамы и красный кирпич стен. Женщины шарахнулись еще дальше налево, чуть не наскочив на командира. Справа ухнул гранатометный выстрел. Кумулятивная граната, пробив со стороны огорода левую глухую стену дома, оставила на ней еле заметное отверстие, из которого почти сразу повалил густой черный дым. Евгений, которого все звали Джон, сидя на корточках, положил РПГ-7 и доставал из рюкзака вторую гранату.

«Что там может так гореть?», - непроизвольно подумал Сергей. Командир бегом возвращался с неудавшихся «переговоров». Он, наверное, попытался бы что-то сказать, но заработавший за его спиной крупнокалиберный пулемет спешназа окончательно его огорошил. Грохнул еще один гранатометный выстрел, расщепав входную дверь в дом. Через три минуты дом пылал открытым пламенем, шиферная крыша начинала трещать. Женщины с каким-то утробным визгом убегали вдоль улицы в сторону окраины села. «Что там может так гореть?» - опять подумал Сергей. Впрочем, важнее было то, что лезть в дом уже не приходилось.

КПВТ на башне бронетранспортера на секунду замолк, а затем начал бить куда-то мимо дома в огороды. Омоновцы прекратив стрельбу по пылающему дому, сместились к забору в сторону огорода. Там среди деревьев несколько фигур в лохмотьях ковыляли прочь от горящего здания. Один из них с головой, перевязанной окровавленными бинтами, даже пытался бежать. В сторону убегаящих раненых началась стрельба: автоматные и пулеметные очереди, хлопки подствольников. Макс, приложившись к оптике, стоя стрелял из СВД...

Сергей посмотрел на Макса и на мелькающие в нескольких десятках метров за кустами белые пятна бинтов. Прищуренный глаз и дергающаяся от отдачи фигура Макса... Черная спина и забинтованная голова убегающего.... В этот миг что то поменялось. Мир переменился. Какая-то невидимая грань внутри Сергея вдруг стерлась и перестала существовать. Это был уже не совсем он....

- Так, все. Работаем дальше. Пошли, пошли. Мантуров, возвращаешься к своему взводу.

Саленко был невозмутим. Командира было не видно и не слышно. «Бэтор» со спецами тронулся за омоновцами. Срочники догоняли ментов. Тот, кто в этой ситуации шел сзади, оставался без добычи, а впереди виднелись большие и, судя по всему, богатые дома. В последний перед переулком дом зашли сразу и срочники и омоновцы. Во дворе стоял мужик неопределенного возраста. То, что это бывший боевик, было понятно с первого взгляда: одежда с чужого плеча, бесформенная шевелюра неестественно длинных волос, ну, и конечно - лицо...

- Вы че? С гражданскими работает милиция! - рявкнул Сергей с холодными ментовскими нотками. Он подошел к срочникам:

- Вы че в дом претесь? Ваше дело прикрытие.

Мантуров забрал паспорт чеченца из рук солдата.

- Ты что, самый умный?

Фигура Мантурова, да и сама обстановка не располагали к спорам. Солдаты протопали в глубь двора. В доме начался «шмон». Пока Мантуров разглядывал паспорт, Сергей развернул чеченца лицом к кирпичному забору и, пнув несколько раз по ступням, распластал по стене. Прохлопав его рукава, подмышки, пояс, лодыжки, Сергей стал проверять карманы. В руке приятно хрустнули денежные купюры. Засунув несколько «пятисоток» в карман штанов, стал шарить дальше.

Все четче и четче в нем поднималась волна какого-то кровавого возбуждения и одновременно тоски. Сожженный дом и расстрел раненых изменил сознание. Только что, вдохнув запах чужой смерти и собственной безнаказанности, он как бы становился заложником этой ситуации.

- Да тут целый госпиталь был!

Возникла, какая-то заминка. Группы ОМОНа смешались. Спецназовцы с «бэтором» стояли на улице напротив дома. Сергей начал задавать вопросы чеченцу, совершенно формально почти не интересуясь ответами. Он напряженно думал о том, что делать с этим боевиком, даже мысленно не произнося зреющего замысла – где и как его убить?

Он никогда не убивал вот так человека, но стрельба по убегающим раненым родила гнетущую тягу. Он почти физически ощущал таинство смерти, и ему не то чтобы хотелось, нет, его просто жутко и неотвратимо чья-то чужая воля подталкивала попробовать эту тайну на вкус.

Мысли сбивались, порождая бесцельные действия. Сначала он провел чеченца в дом, комнаты которого были заставлены железными койками с окровавленными тряпками на них. Мантуров был рядом, и Сергей, наконец-то, ясно осознал произнесенную даже мысленно цель своих шатаний – он искал место, где убить этого человека. Появилась какая-то обреченность. Но обречен был не чеченец – обречен был Сергей. Он был обречен на это убийство, и к тайне смерти прибавилась какая-то ужасная тоска. В углу комнаты валялся какой-то узел с тряпками.

- Развяжи и посмотри, что там.

Чеченец двинулся в угол. Автомат в руках Сергея, такой удобный и ставший почти родным за месяцы командировки, превратился чужеродное тело. Руки, поднимавшие цевье, кисть, сжимавшая рукоятку, палец на спусковом крючке – все это было не его, не Сергея.

Чеченец ковырялся с тряпками. В двух метрах в его спину был направлен автомат. Ужас сковал Сергея. Его пальцы онемели и только в голове твердо и как-то нетерпеливо звучали слова: "Жми. Жми на курок. Ну, жми же..."

Напряжение стало невыносимыми. Палец потянул на себя спусковой крючок... Животный ужас внутри Сергея поднялся к горлу и превратился в приступ тошноты. Мантуров стоял рядом и ждал этих выстрелов. Он был так же заражен этим безумием и так же обречен. Выстрелов не было...

- Так, на улицу выходим!

Ни голос, ни лицо не выдавали внутреннего состояния Сергея. Убийца, сидящий в нем, судорожно строил новые планы. "Слабак! Баба! Какие проблемы? Че случилось?" – голос внутри Сергея издевался и требовал ответа на вопросы. Никакого ответа у Сергея не было. Было лишь слабое оправдание: "Не могу".

"Да ты такой же, как эти нытики с первого взвода!"

Это было в точку! «Правда» этих слов встряхнула его. Он с ненавистью посмотрел на чеченца. "Тварь!" – со злобой подумал Сергей. Это относилось и к чеченцу, и к самому себе. Он злился и презирал свою слабость.

"Пристрелю этого козла прямо во дворе, на глазах у этих соплежухов! Сейчас эти чмошники обосрут! Пристрелю и башку еще отрежу!" Ненависть к себе, к чеченцу, к презируемым сотрудникам

подгоняла и придавала сил. Заметив в углу двора под навесом отверстие в подвальное помещение, Сергей ткнул стволом в спину чеченца.

- Сюда идем.

Во дворе было несколько срочников и бойцов ОМОН. Несколько секунд Сергей вглядывался в спокойное лицо своей бессловесной жертвы. «Неужели он не понимает, что его сейчас убьют?». Спасительная ненависть опять куда-то улетучилась. «Ладно, убью, а там будь, что будет...» Во дворе под навесом чернел открытый люк в погреб.

- Так, сейчас заглянешь внутрь. Давай смотри.

Чеченец встал на колени и согнувшись стал вглядываться в темный подвал. Автомат Сергея уперся ему в затылок. «Стреляй! Стреляй, толкай в люк и дело с концом. Покажи им, кто есть кто. Жми...» Палец выбрал половину свободного хода курка. Ужас и тошнота с новой силой поднялись откуда-то снизу. В какое-то мгновение Сергей почувствовал себя самоубийцей. После выстрела уже ничего нельзя будет вернуть назад, все будет иначе. «Не могу...»

- Там ничего не видно...

Сергей отвернулся и пошел к воротам. Он потерял интерес и к чеченцу и к себе. Убийца внутри него исчез. Была какая-то пустота с привкусом опасности. Опасности не совсем прошедшей, но не такой неотвратимой, какой она была, когда Сергей заходил с чеченцем в дом. Сергей дошел до ворот и оглянулся. Мантуров поднял чеченца за ворот и бросил на спину на мешки с кукурузой. Наклонившись над ним, он прямо в лицо начал орать:

- Сейчас ты мне все скажешь! Говори все!.. Все, я сказал!..

Никто не смеялся над нелепостью фраз. Сергей смотрел на автомат Мантурова, ствол которого уперся в лоб чеченца. «Пристрелит...». Автомат качнулся вправо и грохнул тремя одиночными выстрелами. Пули порвали мешок в десяти сантиметрах от виска чеченца.

- Говори все!..

...Этого чеченца оставили солдатам. Сергей испытал облегчение и немного жалости. Облегчение от того, что избежал какой-то так до конца не понятой, но ужасной опасности. А жалость от того, что этого человека сейчас убьют.

Какое-то время Сергей работал просто по инерции. Обычная схема действий при отработке дома. Но постепенно все возвращалось на свои места. Чеченцы вновь превратились во врагов. Сначала робко, затем все настойчивее мысли о происшедшем обретали привкус досады. «Придурок! У тебя был такой шанс определиться, наконец, среди этих уродов. "Чмошники обосрутся..." - сам ты чмошник, и сам ты обосрался».

У Сергея появилось даже какое-то недоумение – почему он этого не сделал. «Почему я не пристрелил его в доме? С рук бы сошло - сто процентов. Почему? Потому что затошнило? Чушь какая-то! Тошнотик гребаный! Придурок!»

Сергей не сразу заметил, что к их группе присоединился Саленко. Так бывало часто. Почти всегда. Саленко рассчитывал на бойцов второго взвода. Сергей вспомнил одну из первых зачисток. Тогда в одном богатом доме хозяин повел себя довольно уверенно. Его не смутили человек двадцать солдат и «ментов» уже приступивших к грабежу. Он попытался, что-то возражать...

Сергей ударил его прикладом в лицо. На это резкое движение отреагировали еще трое, бывших в этой комнате омоновцев – чеченца повалили и начали бить. Жена хозяина с ребенком на руках выбежала за ворота. Во время избиения омоновцы скорее для самооправдания орали: «Где оружие? Говори все?» Саленко спокойно смотрел на происходящее. В этот момент в комнату вошел старик. Каракулевая шапка, пальто, трость или посох, черт его знает, как эта палка у них называется, и седая такая борода. В общем, до того колоритный старик и взгляд такой обличающий. Сергей вспомнил, что в тот момент как-то даже опешил. Чеченца перестали бить, появилась какая-то неловкость, все уставились на старика.

Старик на ломаном русском, стал произносить какие-то слова, от которых уже чуть ли не стыдно становилось – "беззаконие", "что творите". Развязка поразила даже Сергея. Саленко, стоявший ближе всех к старику и державший в руке то ли монтировку, то ли гвоздодер, наотмашь ударил его по голове. Старик упал...

...Этот дом ничем особо не отличался. Довольно большой, но более чем на половину не достроенный и нежилой. Во дворе два рослых, крепких парня и женщина, их мать.

Как-то сразу обстановка даже не накалилась, а просто взорвалась. То ли во взглядах парней было что-то, то ли мать ответила не больно ласково, но чеченцев сразу грубо распластали по стене и стали пинать по ногам. Сергей с Максом зашли в недостроенную часть дома. Посредине комнаты чернел открытый люк довольно обширного подвала. Сергей нагнулся, пытаясь всмотреться в подвал, В этот момент Макс, сунув туда СВД, сделал несколько выстрелов. Сергея оглушило.

- Макс, блин...!

- Сэм, давай туда гранату кинем, что-то мне эта тетка не нравится.

- Кидай.

- У меня только эфки, кинь ты – у тебя эргэдэшки есть.

- Кидай эфку.

Макс достал Ф-1. Сергей пошел к дверному проему. Женщина во дворе плакала, пытаясь протиснуться к противоположной стене дома. Перед ней стоял Мантуров.

- Женщина, стойте, где стоите и не надо никуда идти.

За спиной Сергея хлопнул запал гранаты. Сергей поспешно спрыгнул с дверного проема во двор. За ним спрыгнул Макс. Во дворе у противоположной стороны дома на лавке сидел один из чеченцев, он был абсолютно голый. «Зачем его раздели?» - подумал Сергей. В подвале грохнула граната. Женщина вскрикнула и заголосила сильнее.

- Саня, а че его раздели то?

- Она говорит, что сын «дурак», а я думаю, что «косит» под «дурака».

Сергей подошел к голому парню, нагнулся вплотную к его лицу и стал смотреть в глаза. Глаза чеченца то ли косили, то ли закатывались, но были, явно ненормальными. «Точно «дурак»... Или «косит»...?» Сергей взял парня за подбородок и потрепал голову из стороны в сторону. «Косит» или нет? Блин, фиг поймешь. Так-то, какая разница? Что это меняет? Что с ним делать-то? Может, убить...? Впрочем, тут баба эта...». Сергею стало как-то скучно.

Он отошел от голого парня к дверному проему и заглянул в жилую часть дома. В дальней комнате стояли трое – Саленко, Джон и второй чеченец. Лицо чеченца было в крови. Судя по интонациям и позе Джона - бил он. Сергей повернулся к Мантурову. Тот явно утомился сдерживать женщину, пытающуюся протиснуться к своим сыновьям.

- Хороший домик отгрохали! Неплохой бизнес, похоже, имели. Людешками торговали, наверно.

Сергей, произносил эти слова, прежде всего для себя. Уже давно он возникающую в груди, время от времени, жалость к чеченцам задавливал аргументами об изгнанных из Чечни русских, тысячи из которых превратились в живой товар. И это работало почти безотказно – совесть умолкала, жалость превращалась в нелепую постыдную слабость....

- Что ты говоришь? Какое торговали? Муж, дети строили.... Зачем говорить...?

Мантуров, воспользовавшись моментом, прошел в крыло дома, где были Саленко и Джон. Сергей разговаривал с женщиной, продолжая незримый поединок с совестью. Из-за дома появился Макс.

- Короче, нет тут ни хрена интересного.

Мантуров и Джон вышли из дома.

- Сэм, Макс, пошли.

- Иваныч, че с этими крестинами то решили?

Сергей шагнул в дверной проем, обращаясь к Саленко. Саленко не останавливаясь, взглянул в лицо Сергея.

- Так, короче, Сэм, этого в машину...

Под "этим" Сергей понял того, которого били в доме. Он прошел через маленькую проходную комнату вглубь помещения. Парень лежал на полу и тихо прерывисто хрипел. Лицо и пол были в крови.

- Э-э, подъем!

Сергей потянул чеченца за рукав, потряс и не чувствуя никакой реакции, попытался рывком поднять. "Косит что ли?"

- Э-э, подъем я сказал!

"Да нет, так не косят. Вырубили..."

Сергей посмотрел на увеличившуюся лужу черной густой крови.

"Откуда столько натекло-то?"

Он сам не понял, что произошло раньше - догадался он или увидел на измазанном лице черный сочащийся кровью провал. На затылке резко выделялся неестественный колтун волос, откуда стекала черная густая кровь и были видны белые косточки. У Сергея похолодело внутри. Он отпустил рукав чеченца – рука упала. Хрипов больше не было слышно.

"Ему башку прострелили!"

Сергей выпрямился и повернулся к двери. В дверном проеме стояла мать убитого, тревожно вглядываясь вглубь дома. Они пошли навстречу друг другу. В узкой проходной комнате Сергей толкнул женщину плечом, освобождая себе проход, и шагнул в дверной проем. Ужас смерти, с которой столкнулся Сергей, сковал его мысли. Он шел, думая о том, что в эти мгновения мать тормозит своего сына и этот ужас уже ничто не сможет изменить.

Внезапно на Сергея накатила какая-то злобная досада. "А надо мной-то что, приколотись, что ли? В башку выстрелили, почепали и - «...Сэм давай его в машину!». Как я его, на хрен, в машину-то должен был волочь? Падлы..." Он вышел со двора и прибавил шаг, намереваясь прямо сейчас догнать Саленко и высказать ему свои претензии с «обстоятельствами» этого убийства. Ужас смерти у Сергея растворился в какой-то злобной досаде.

Сзади слышался плач. Мать убитого пробежала мимо Сергея, не глядя в его сторону. Выбежав на дорогу она, рыдая, смотрела по сторонам. Кругом были военные. Со всех сторон раздавались одиночные выстрелы, очереди и разрывы гранат. Женщина, заламывая руки, стонала. Убийцы ее сына, не обращая на нее внимания, пошли дальше...

Прошло время. Сначала минуты, потом часы, дни, годы.... Сергея многое связывало с этими людьми. Какой-то отрезок их жизней был так тесно спаян между собой, что это, в определенном смысле, была их одна, общая жизнь. Они никогда не говорили об этом и подобном ему случаях. Они не умели задавать вопросы на эту тему ни себе, ни другим. Совесть и жалость были частью заболтаны избитыми аргументами, а частью залиты водкой. Водка стала неотъемлемой частью их жизни. Они нуждались в ее «просветляющей» силе. Силе, которая наполняла смыслом пустые слова, делала значимыми дешевые фразы и, что самое главное, позволяла не думать. Они пили и не думали, пока шла война. Пили и не думали после ее окончания. Они победили на этой войне – войне с собственной совестью....

Сам Александр

Чем любит женщина и мужчина

Женщина любит ушами, а мужчина чревом. Это понятие внедрено как истина в умы людей. На этом создают учения — как строить отношения мужчине и женщине. Как красиво ухаживать, говорить комплименты, хвалить и боготворить женщину. Но это всё разработал обольститель, а не созидатель семьи. Этого абсолютно не нужно делать и ни в коем случае, не приучать слух женщины к ласке и лести.

Игра на чувствах, это проделки врага человечества. Все манипуляции с чувствами, это шоу одного и того же, под разными соусами, названиями и масками. Это всё ложь что женщина любит ушами. Её к этому приучили. Так же многие другие в жизни понятия извращены, но принимаются как должное для человека. Всего одно лишь согласие с ложной мыслью, это согласие даёт росток и укореняется в сердце. А потом передаётся, как в песне, от сердца к сердцу. Услаждение слуха это не от Бога, но от Его врага.

Ложь и в том, что мужчина любит чревом или путь к мужчине через желудок. Это ложь дьявола, ибо путь к сердцу мужчины — это послушание ему жены. А, чтоб приучить его к лакомству, дьявол придумал эту ложь. Потому что мужчина с полным желудком расслабляется духом и не слышит Бога как должно. А когда приучается лакомиться вкусами, то во — все слепнет духовно и видит всё в искажённом образе. Именно к набитому чреву подходит сатана, внушая ложь, как истину.

Ереси рождаются, где чрево угождается.

Женщина любит по влечению сердца. Муж не руководствуется сердцем и эмоциями души, но умом и рассудительностью, потому что любовь не эмоции. Муж любим, потому что у жены влечение сердца. Жена любима, потому что послушна.

А есть ли оно счастье

Размышляя о таковом понятии, что такое счастье? Я пришёл к выводу что это понятие остаётся лишь словом или иллюзией и миражом.

Человек переживающий короткий, временной отрезок эйфории относит это к понятию счастья. На самом деле слово счастье это подмена, которая является фальшивкой. Человек стремится стать счастливым, но всегда несчастен. Всё потому, что достигает фальши, стремится измениться и снова фальшь — пустышка. Душа, на протяжении всей жизни человека, просит того чувства, которое и подменили словом счастье.

Этого чувства, на земле, достигли не многие. Их называют блаженными. Именно блаженство подменено, словом, счастье. Блаженство — это иная реальность, а счастье приземляет, требуя копошиться в земном, суетном житие. Блаженство, это небесное чувство, я думаю, подобно Ангельскому беззаботное и всегда удовлетворённое. Со стороны наблюдается, как отрешённое от реалий земной жизни.

Вот оказывается, как зарывается путь к блаженству, небесному чувству.

Всякий прочитавший со вниманием эти слова, соприкоснулся издали с блаженством.

Блаженны вы, потому что пропустили слова эти в душу.

Для чего человеку молиться

Молитва не ради молитвы. Какова же цель молитвы?

Молитва, это нужда человека, но чем эта нужда побуждена?

Для чего нужно молиться, если этой нужды человек не осознаёт?

Молиться нужно чтоб познавать волю Бога и исполнять её. А нужно ли молиться не ради познания воли Божьей?

Если молиться не ради воли Божьей, то значит человеческой, или вражьей не сознавая того. Молиться не ради познания воли Божьей, это равно греху. А если молиться познавая волю Божью, но не исполняя её, это больший грех. Поэтому надобно полюбить Бога всем сердцем, всей душой, всей крепостью и всем разумением. Ведь знающий волю господина и не исполняющий бит буде больше нежели не исполняющий от незнания.

Прежде всего для человека воля Божия — спасение души. А ради спасения души Господь создал Церковь отдав свою жизнь за неё.

Закон послушания или свобода выбора

Чтоб избрать верный курс нужно узнать, что есть закон и что есть свобода.

Бог создал человека и дал ему закон.

Если человек избирает для себя свободу выбора, то впоследствии он становится нарушителем закона Божьего, ибо где закон там нет свободы.

Враг Божий обманывает человечество понятием свободы выбора, от того земля наполняется страстными грехами и извращением, которое становится, как нормой жизни человека.

Подмена всех других понятий происходит именно, приняв идеологию свободы выбора.

Употребляется терминология: "свобода в рамках закона", это то же самое что и "закон в рамках свободы".

Закон не позволяет, свобода предоставляет выбор.

В законе была всего одна заповедь, не вкушать от дерева познания добра и зла плод, но пришёл тот, кто дал свободу выбора, а где есть свобода выбора там нет силы закона, то есть закон теряет силу именно в свободе и человек легко нарушает закон в данной ему свободе выбора.

На самом деле Бог дал человеку не свободу, а закон.

И создал Бог человека со свободной волей в самом себе. И благодаря не запрограммированности человека, а свободной воле, человек принимает решение, как жить, по закону Божьему или свободно.

Свобода по благодати

Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете. (от Иоанна 8:36)

Воздерживаться не значит быть свободным.

Можно не красть, но быть вором. Можно не блудить, но быть блудником. Можно не убивать, а быть убийцей.

Если человек воздерживается от употребления алкоголя – это не означает что он свободен, как если человек не блудит – не означает что он свободен от страсти.

Свою страсть человек может скрывать от других и даже не признаваться самим перед собой, обманываясь что свободен от того или иного.

Свобода это не только внешнее, но и внутреннее чувство чистоты.

Если в человеке, в его чувствах, возбуждается на то, или иное посыл для получения само-удовольствия, то это не есть свобода.

Страсть живёт в чувствах. Поэтому Христос говорил, что если ты в сердце совершаешь, то или иное, то ты уже виновен и грешен.

Ни один человек не сможет стать свободным самостоятельно без Божьей благодати.

Только по благодати человек может быть истинно свободным. И эта свобода благо-угодна Богу.

А наши человеческие усилия есть ничто!!! Ибо мы можем применять усилия по гордости ради тщеславия, превосходства перед другими. И можем в этом быть успешными, но это Богу не благоугодно.

Поэтому написано: «... будем хранить благодать, которую будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом» (к Евреям 12:28)

А как же получить благодать?

Благодать по вере, но вера без дел мертва.

Благодать подаётся человеку через руки священника от Апостольского рукоположения.

Признание священства – шаг к благодати.

Участие в таинствах – получение благодати.

Послушание – хранение благодати.

Чтоб ежедневно причащаться

Чтоб причащаться, человек должен жить быв готовым к причастию каждый день. Если же совесть осуждает, то надо расстаться с тем, за что осуждает совесть. А не просто по исповедоваться и причаститься, а потом снова то же самое. Это похоже на искушение Господа. Сравниваю это с болезнью. Грех – как болезнь и совесть как нерв, сигнализирующий что я больной.

Мне нужно лекарство. Но вот чтоб я мог принять лекарство, врач мне запретил употреблять то, что провоцирует моей болезни развиваться. Тогда я желая излечиться, готовлюсь к лечению исключив то, что провоцирует развитию болезни.

Приняв лекарство и почувствовав облегчение я радуюсь и буквально через два дня, а то и на следующий день вновь употребляю то, что запретил врач. Такое лечение не достойное.

Поэтому, если совесть как нерв сигнализирует, а я продолжаю это делать и при этом причащаюсь, то предполагаю, что это причащение себе в осуждение.

Надо подготовиться достойно, а после причастия не повторять того, от чего развивается болезнь. И таким образом жить в готовности причаститься каждый день.

Научить ребёнка защищаться

Родился ребёнок, сформированный во чреве.

Если он формировался в негативной среде или был нежеланным, или даже ненавидим ещё не родившись, то скорее всего его не надо будет учить защищаться. Но его надо будет учить не нападать и любить.

Кто-то использует тактику: "лучшая защита, это нападение".

Конечно же это в корни не правильная позиция, но это шаг от света во тьму.

"Если бьют, беги". Так же неверная поговорка.

Неужели клин клином и око за око, это верный шаг?

Именно так многие советуют своим детям уча их насилию.

Все шаблонно говорят своему чаду: "дай сдачи". И, казалось бы, верно, ведь должником не надо оставаться поэтому надо дать сдачи. Только вот сдачи лучше дать на зло добром. Только в этом случае будет победа.

Зло порождает добро? Никак.

Часто дети не могут поделить игрушку от чего начинается драка.

Что ценнее игрушка - безделушка или душа - жизнь человека? Если первое, то тогда стоит ввязаться в драку чтоб победить. А если второе, то отдать, а можно подарить. Это будет высшее проявление победы. И до драки точно не дойдёт дело. Просящему дай, а требующему что-то одно отдай ему и второе. Так почему-то никто не хочет учить, а лучше учат быть волчонком. Так каждый вторит дома ребёнку и общество становится враждебное уже с детства. Но если б учили отдать просящему, то не случались бы случаи подобные следующему, когда старшеклассник у младшего просил конфету, тот не просто не дал, а стал от него убегать, но был пойман и от ударов погиб. Это трагическое событие произошло именно из-за конфет. А когда покупают детям дорогие телефоны...

Лучше учить детей любить и защищаться любовью.

Алексей Тверитинов

Юсовский клад и Божье провидение

Это произошло в апреле 2008 года. Неожиданно вдруг на всю страну в средствах массовой информации заговорили о себе руины заброшенного храма Михаила Архангела села Юсово Чаплыгинского района Липецкой области, что раньше было Раненбургским уездом Рязанской губернии. Причина – нечаянно найденный 12 апреля 2008 года клад во время проводимого школьниками субботника по наведению хоть какого-то порядка в храме – с надеждой о возвращении ему церковной жизни, что определенным образом характеризует самих школьников, их наставников, учителей и родителей. Нечаянно ли клад себя обнаружил? Или это было Божьим провидением? Широко обсуждались различные версии и домыслы происхождения находки. Но все авторитетные мнения представителей РПЦ сходились на том, что это именно последний священник Петр Надеждин в период революции спрятал от большевиков под алтарем церковную кассу, ставшую одним из крупнейших в истории России монетных кладов.

Однако эта картина нуждается в некотором прояснении, которое кто как не потомки о. Петра могут осуществить с особой тщательностью. А происходило кое-что и до Петра Надеждина, который лишь завершил логическую цепочку истории работы клада. Об этой истории и пойдёт рассказ.

Но, прежде всего, стоит уточнить, кем же был сам отец Петр, спасший церковную кассу? Вот краткая информация, извлеченная из его «послужного списка».

Петр Васильевич Надеждин (1863 – 1930), последний священник Архангельской церкви с. Юсово, Раненбургского уезда, Рязанской губернии, член Раненбургского Благочиннического Совета, член Правления Раненбургского Духовного училища. Неоднократно поощрялся за труды по народному образованию. Среди прочих священнических наград имел серебряную медаль «В память в Бозе почившего Императора Александра III».

Теперь углубимся в прошлое. Первым настоятелем каменного храма Михаила Архангела, построенного в 1849 году в селе Юсово на месте одноименной деревянной церкви, был Василий Сергеевич Покровский (1789 – после 1881). В качестве священника он упоминается с 1832 года. Вероятно, служить начал раньше. У него в семье была дочь Фёкла. Закончил службу о. Василий Покровский в 1855 г. одновременно

с назначением нового священника – Алексея Васильевича Левитова (1832 – 19.10.1887). Как и было принято в то время, назначение нового священника сопровождалось браком с дочерью предыдущего, то есть с Фёклой Васильевной Покровской.

При этом Алексей Васильевич Левитов стал содержать тестя Василия Сергеевича и тещу Домну Дмитриевну Покровских.

Среди детей Алексея Васильевича Левитова была дочь Мария (1867 – 1914). Она вышла замуж за очередного назначенного к этой церкви священника – Петра Васильевича Надеждина (1863-1930), героя этого повествования, который служил в Архангельской церкви села Юсово с 1887-го до закрытия храма – 43 года.

Это генеалогическое исследование, составленное автором по материалам семейного архива и Государственного архива Рязанской области¹, даёт право утверждать, что найденная прихожанами села Юсово 12 апреля 2008 года церковная касса, именуемая в СМИ «кладом», формировалась взносами прихожан на протяжении примерно 100 лет трудами трех поколений священников – Покровского, Левитова и Надеждина. Они представляли по сути дела единую семью. Эта преемственность доказывается тем, что самая ранняя из найденных монет датируется 1737 годом, а поздняя – 1914-м.

После закрытия храма слухи о спрятанном в церкви последним священником кладе стали распространяться как «пандемия». Слухи эти не давали покоя кладоискателям. Все в храме было изрыто вдоль и поперек. В поисках «сокровищ» вырывались и разбивались даже несущие элементы фундамента. Не пощадили кладоискатели и само место захоронения о. Петра Надеждина рядом с алтарем. Плита была сдвинута, могила разрыта, и некоторое время на ее месте оставалась яма. Но помнящие и глубоко чтящие память об этом батюшке жители села Юсово восстановили могилу и поставили новый крест.

И вот теперь, собранная многими поколениями прихожан и сохраненная в годы революции и гражданской войны отцом Петром церковная касса, на протяжении почти ста лет не дававшаяся в руки неугомонным кладоискателям, сама открылась перед чистыми помыслами людей, словно посланная Богом перед Пасхой именно тем,

---

¹ ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 52. Св. 126. 1906 г. Л. 114 об. – 116 об.; ГАРО.Ф.627. Оп.240. Д.52. Св.126. Л.114об. – 116 об., 1906 г.; ГАРО.Ф.627. Оп.240. Д.6. Св.112. – о священнике Архангельской церкви с. Юсово, Алексее Васильевиче Левитове, его жене Фёкле, тесте Василии Сергеевиче и теще Домне Дмитриевне. 1855 г.; И. В. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии ныне существующих и упраздненных. – Рязань, 1888. - Т. 3.

кто начал заботиться о восстановлении Церковной жизни давно разрушенного Храма.

В сердцах сельчан загорелась уверенность, что, сохраненная отцом Петром от варварского распыления касса², – возвращена Господом прихожанам села Юсово, чтобы дать им возможность восстановить свою церковь.

Первоначально властями было принято решение монеты реализовать, а полученные средства потратить на возрождение храма. Так и получилось, но частично, ведь большая часть монет и других ценностей клада были признаны специалистами культурной ценностью, не подлежащей реализации. Но именно это обстоятельство стало стимулом для побуждения к действиям жертвователей! А это движение души для Бога ценнее любой денежной «манны небесной». И здесь клад снова сыграл свою нравственную роль – раскрыл клад души человеческой. Храм восстанавливается! И уже летом 2012 года в церкви начались богослужения.

Внучки Петра Васильевича, – сестры Лидия, Вера, Любовь, урожденные Надеждины, вспоминали своего деда, как очень строгого и чрезвычайно скромного в быту человека, ведущего аскетический образ жизни. Это вызывало ещё большее уважение и почитание прихожан к священнику, обладающему и без того высокой духовной репутацией.

И живет в семье Надеждиных воспоминание о том, что о. Петр умер в 1930 году вскоре после того, как его вызывали в ОГПУ. Там в течение нескольких дней его обрабатывали, пытались завербовать в осведомители, чтобы информировать органы об исповедях прихожан и их «дурных» мыслях. В случае отказа ему пригрозили закрытием церкви и последующими репрессиями.

Но мужественный и принципиальный отец Петр категорически отказался от этого сотрудничества, невзирая на нависшую над ним и его семьей угрозу.

---

² Мысль о необходимости спасения церковной кассы возникла у о. Петра Надеждина после «первого звончка», когда были изъяты выполненные из серебра принадлежащие храму культурные ценности.

...Храм закрыли. Не выдержав переживаний, отец Петр через несколько дней скончался от удара³.

Он умер, но Божьим провидением сохранил принадлежащие храму средства, сыгравшие решающую роль в восстановлении этого одного из сокровенных островков русской Православной духовности.

Информация о Петре Надеждине составлялась совместно с его правнуком Дмитрием Серафимовичем Надеждиным.

---

³ Через 6 лет после смерти о. Петра Надеждина была предпринята попытка возобновить службы в храме, закончившаяся драматически. Весной 1936 года новый священник Архангельского храма Алексей Иоаннович Колосов и староста Прасковья Ефимовна Татарникова были арестованы как участники "контрреволюционной церковно-монархической организации митрополита Раненбургского Иоанна Кситрусского. Тогда же в 1936 году храм был закрыт уже вторично и окончательно. В последующие долгие годы здание использовалось совхозом «Раненбургский» под склад: < <https://annazv77.livejournal.com/881686.html> >, затем было заброшено как непригодное для какого-либо использования вообще.

Вадим Мальцев (г. Таруса)

Северное небо

Себя Наталья Марковна Ермилова (Чикова) называет «самым коренным жителем села Кузьмищева». Её отец, Чиков Марк Васильевич, был разнорабочим в колхозе «Заря», а мать, Хорошева Акулина Петровна – дояркой. Оба родились и прожили всю жизнь в Кузьмищеве, где 21 августа 1922 года и появилась на свет их старшая дочь Наталья.

Здесь же Наталья получила начальное образование, а после обучалась в средней школе города Тарусы. По окончании седьмого класса, поступила в Текстильный техникум города Серпухова, правда закончила всего один курс – с общежитием ей не повезло, а снимать комнату или какой-нибудь угол семье было не по карману, пришлось возвращаться домой. Отец, который к этому времени успел стать пекарем в тарусской пекарне, устроил дочь помощником счетовода в бухгалтерию.

В начале 1939 года Наталья была направлена на курсы повышения квалификации в город Белёв, и спустя несколько недель вернулась уже «большим», по тем временам, человеком, сразу получив должность счетовода расчётного стола в райпотребсоюзе.

В сентябре 1940 года она снова получает направление в Белёв, теперь уже на курсы бухгалтеров сельпо, которые успешно закончила в мае 1941г. На этот раз, её назначили бухгалтером в Лопатинском сельпо.

Начало

Здесь же, в Лопатине, Наталья застала 22 июня 1941 года. Этот день она вспоминает так: «Прибегает ко мне однажды Алексей Новиков, заведующий избы-читальни, кричит: «Началась война! Что сидишь здесь, иди скорей в своё Кузьмищево!»

Люди были взволнованы, но паники не было. Я сильно испугалась за близких, побежала к себе. Весь вечер много думала, плакала всю ночь, но утром приняла решение домой не возвращаться – решила остаться на месте, в Лопатино».

Большинство мужчин вскоре отправились на фронт, а все хлопоты легли на плечи местных женщин и детей. Свою работу выполняли молча – никому не хотелось обсуждать новости, которые с каждым днём становились всё тревожней. Во второй половине октября поступил

приказ от председателя Райпотребсоюза Мышленникова открыть столовую, пекарню, магазин. Всё, что есть: продукты, тряпки, посуду - раздать бесплатно населению, но без сутолоки. К счастью, лопатинцы отнеслись к этому с пониманием, и большой суматохи удалось избежать. Товары разобрали мгновенно, а заведовать раздачей поручили Наталье.

Когда все товары разошлись по рукам, неожиданно кто-то её окликнул: «Наташа, Наташ! Дай и мне тоже». Оглянувшись, она заметила двух грязных оборванных солдат, из числа отступающих со стороны села Кресты. Одного звали Николай Колянов - земляк, Кузьмищевский, а фамилия второго Торопин, родом он был из деревни Игнатовское. Выйдя из-за прилавка, она ответила: «Всё уже разобрали, пойдёмте в пекарню – может, что и найдём».

Пекарь только что загрузил хлеб в печь, а из старых запасов остались одна чёрствая буханка да забытая на сковороде лепёшка, но солдаты были рады и этому. Немного подкрепившись, они тут же отправились в сторону Тарусы. Чуть позже, отправилась в Кузьмищево и наша героиня – делать здесь было уже нечего, да и всё громче был слышен грохот разрывающихся снарядов. Придя домой, она увидела за столом Николая Колянова - он сидел с её мамой и рассказывал про ту помощь, которую ему оказала Наталья – видимо ребята тогда очень сильно наголодались. Побыл немного в доме, подождал товарища, и отправился в сторону Серпухова, догонять своих.

Непрошенные гости

Вскоре Таруса была оставлена. Почти сразу в Кузьмищеве появились и немцы. Первыми были велосипедисты, а следом за ними шла тяжёлая техника. Ехали молча, пока не остановились у местной церкви, которую тут же переоборудовали в склад и гараж для своих велосипедов.

Незадолго до оккупации, пятеро колхозников, среди которых был и отец нашей героини, было принято решение перегнать колхозное стадо подальше от фронта – в Рязань. Стадо успешно и без потерь переправили в тыл. Обрато добирались тем же путём, но к их возвращению Таруса была уже оккупирована. Когда Марк Васильевич собирался переправиться через Оку, его остановили наши, контролировавшие противоположный берег. С ними он и остался до окончательного освобождения района. «В тот день, когда враг вошёл в Кузьмищево,- поделилась воспоминаниями Наталья Марковна, - мама встала рано

утром, натопила печь, собрала на стол что было и говорит нам: «Давайте быстренько поедем, а то сейчас придут немцы и всё отберут!»

- А мы уже здесь! - тут же раздалось в ответ на чистом русском языке. На пороге стояло несколько фрицев, один из которых неплохо говорил по-русски.

Не успели они войти, как сразу потребовали: «Матка, давай брот(хлеб), яйка!», тщательно обыскали дом. Мы оцепенели - не поймём, что к чему. «Гости» огляделись вокруг, заметили на столе какие-то продукты, с жадностью их схватили и ушли. Потом они к нам заходили часто – через дом была их кухня, куда сгоняли всю местную живность.

Вскоре у нас отобрали все припасы, сожрали всех кур, увели овец, поросёнка. Повезло только корове, до которой так и не дошла очередь».

Судьба

В начале ноября, к дому Чиковых подъехала запряжённая старой лошастью повозка. На ней лежал наш раненый солдат, как потом установили по форме – танкист. Руки у него были связаны, а комбинезон разорван. Рядом сидел переводчик, а охранял повозку вооружённый фриц на коне.

Как оказалось, солдат было двое – отступали от самого Юхнова, но один потом погиб в перестрелке, а второй добрался до деревни Игнатовское, где заночевал у одной из местных старушек.

Солдату старушка разрешила остаться, но на вопрос: «Бабушка, а есть ли в деревне немцы?» ответила отрицательно. Утром он решил переправиться через Оку, к своим, перешёл поле, но у реки нарвался на немцев, в перестрелке был ранен в бедро. Вернувшись, он нашёл стог сена, где прятался некоторое время. Через три дня, заметив в поле чью-то бесхозную лошадь, попытался ей оседлать - тут то его и схватили.

Неподалёку от дома Чиковых жил местный староста. Наверное, поэтому пленного и привезли к ним. Солдата завели в дом, оставили до утра, но перед уходом переводчик запретил оказывать ему помощь, припугнув расстрелом.

Быстро темнело. Танкист лежал на полу молча. Увидев, что опасности нет, ушёл и конвоир. Семья была напугана угрозами, и поэтому никто и не пытался заговорить с пленным, да и вид у него был отпугивающий: рыжий, с бородой. Наверное, финн!

Неожиданно он начал первым:

- Мама, мамаш, дай мне попить!

- На, сынок, пей, - подала ему ковш с водой мама Акулина. Потом поискала, нашла припрятанную крынку с молоком, налила полную кружку.

- На-ка, попей молока, проголодался, небось?

- Спасибо, мамаша, - только и ответил танкист, быстро опустошив кружку.

В печке, в чугунке, оставалось немного манной каши, которую тоже отдали ему, и только когда он наелся, домашние пригляделись к нему получше.

- Батюшки! – неожиданно воскликнула Акулина, - да ты посмотри на себя: весь грязный и во вшах.

- Что поделать, мама, такова моя участь! - попытался пошутить солдат.

Как оказалось, зовут его Василий Зайцев, родом он из Москвы и до войны жил в доме, который находится в Колодезном переулке

. Акулина достала отцовскую рубаху, парня отмыли и переодели, опасливо следя за дверью: «Как бы кто ни вошёл!»

Провозились с ним весь остаток ночи, а он, как заведённый, только и приговаривал: «Вы ничего не бойтесь, я не финн, я с Москвы - вот мой адрес! – и что-то нацарапал на обрывке бумаги. Но думали ли тогда, что этот клочок бумажки с адресом отразится на судьбе их семьи? Конечно, нет!

Наутро за ним пришли. Наказывать никого не стали, только молча увели пленника с собой.

Позднее мама Акулина решила навести о нём справки. Написала по указанному адресу, а спустя какое-то время получила ответ. В письме танкист благодарил за помощь, рассказал, что вскоре после того, как его увели, он был отбит нашими. После освобождения попал в московский госпиталь, при котором работала его мама. Из госпиталя Василий был переправлен в Ижевск, где его и комиссовали.

«Спустя ещё какое-то время Василий приехал к нам в гости, вместе со своей мамой, - закончила эту историю Наталья Марковна. – Потом он навестил нас ещё раз, но теперь уже один. Оказалось, что ему понравилась моя сестра Мария, и он решился попросить её руки. Предложение Мария приняла и вскоре они поженились. Прожили всю жизнь душа в душу, вместе вырастили двоих детей. А мы ещё долгое время над Машей подшучивали: «Ну что, не могла найти себе жениха - пригнали его тебе немцы».

Во время оккупации

Германский штаб располагался в деревянном доме у мостика через местную речушку Паникуш (это полуразвалившееся заброшенное строение и сейчас находится на том же месте), а рядом с ним был старый деревянный сарай. По словам нашей рассказчицы, в этот сарай, 15 ноября 1941 года согнали всех неугодных новым властям. (Среди задержанных оказалась даже Федосья - бабушка героя Советского Союза А.П. Живова).

Арестованных продержали ночь. Утром следующего дня вывели троих: двух молодых парней и одного сорокалетнего мужчину. Первого звали Александр Власов, он приехал к своей тётке из Москвы незадолго до оккупации. Второго Афанасий Баранов, а самого старшего Алексей Лазарев. Мужчин отвели за деревню, к оврагу в стороне деревни Исканское, и расстреляли».

Наталья Марковна точно не знает, в чём их обвинили, но соседи говорили, что Баранов Афанасий был расстрелян за то, что поругался со старостой, Власов Александр не захотел отдавать немцам своего поросёнка, а Лазарев Алексей вступился за честь своей жены.

Ранее было расстреляно ещё три человека пожилого возраста. Один из них, по фамилии Логинов, получил свой приговор за то, что отказался шить оккупантам шапки, сказав: «Я на фашистов не работаю». Имена двоих других она не помнит, но виной одного оказалось то, что его сноха была на сельскохозяйственной выставке в Москве перед войной, где была награждена медалью. Это и стало обвинительным приговором для человека. Сдали его немцам свои, из числа предателей.

Желающих выслужиться перед новой властью было достаточно – их использовали для выполнения мелких поручений, а также для участия в грабежах. Причины для перехода на сторону врага у всех были разные – кто-то «отмотал» свой срок в тюрьме за какое-то уголовное преступление, кто-то верил в незыблемость Рейха и наступивший «новый порядок», но объединяло их всех одно – патологическая ненависть к советской власти. В качестве примера, Наталья привела местного старосту. Звали его Николай (фамилию она просила не называть, так как его ныне здравствующие родственники вполне приличные люди). Так вот, козыряя своим тюремным сроком, он сам напросился на должность старосты, но спустя всего несколько дней, Николая нашли мёртвым. Кто с ним расправился - так и не узнали, да и расследовать это дело новые власти не стали – благо новых кандидатов у них было предостаточно.

Плен и возвращение

Шестнадцатого ноября фрицы начали врываться в дома к селянам. Жителей Кузьмищева, а также согнанных с окрестных деревень, выгоняли на улицу, где всем велели построиться в колонну. Как только колонна была сформирована, людей перегнали в Тарусу, где разместили в частных домах, а тех, кому не хватило места, загнали в местное здание Райпотребсоюза.

Пополнив колонну городскими жителями, пленников погнали вдоль Петрищевского большака, в сторону Перерушево. К наступлению ночи подошли к селу Петрищево. В это время поднялась сильная вьюга. Пользуясь сложившимися благоприятными обстоятельствами, а также заметив, что конвоиры отвлеклись, некоторые узники решили сбежать.

«Смотрим, немцы куда-то пропали. - Вспоминает Наталья Марковна, - Тут то мы и сиганули в ближайший лесочек. Глядим, а за нами последовали и другие. В лесу мы разделились – кто пошёл в Дербено, кто в Лукьяновку, Сидоренки, Крутицы. Преследовать нас не стали: либо не заметили из-за вьюги, а может и нервозная обстановка, царившая в рядах оккупантов в последние дни, сделала своё дело.

Наша группа из семнадцати человек направилась в деревню Дербено. Остановились в доме председателя Василия Филаретова. Жили мы у него до 22 декабря, и всё это время он нам ни в чём не отказывал, кормил, насколько позволяли его скудные запасы.

22 декабря началась сильная стрельба. Неожиданно дверь в дом распахнулась – на пороге стояли несколько наших солдат, во главе с молодым лейтенантом. На руках у них был раненый капитан. Лейтенант посмотрел на нас и спрашивает: «А вы что здесь делаете?» Тут мы и рассказали ему свою историю. Солдаты посовещались, после чего лейтенант говорит: «Дадим вам подводу, возвращайтесь домой и ничего не бойтесь! Дорога от немцев уже расчищена, да и ваше Кузьмищево тоже освободили!»

Мы, на радостях, не стали долго возиться. Тут же отправились домой, а солдаты занялись раненым капитаном.

Вскоре я вернулась в свой разграбленный дочиста дом. Двери кое-как подлатали, окна заколотили всем, что попало под руку. В погребе нашли немного мёрзлой картошки – ничего, пойдёт и такая на первое время».

На защиту северного неба!

После возвращения домой, с февраля - по май 1942 года, Наталья работала инспектором госстраха, а с мая — до конца сентября, отправилась рыть окопы и противотанковые рвы в Алексинском и Крапивенском районах.

Жили в сарае, дырявая крыша которого почти не защищала от осадков. Утром просыпались полностью мокрыми после частых ночных ливней, но собой заняться было некогда - тут же хватали лопаты и за дело! Отдыхать было некогда, а одежда сушилась на себе, во время работы. Правда потом она снова промокала — теперь уже от пота.

Закончив строительство оборонительных укреплений, Наталья вернулась домой и продолжила работу в страховой организации, пока 2 декабря 1942 года не получила повестку на фронт.

Из Тарусского военкомата семь девушек переправились в Тулу, где ночью получили приказ занять места в товарных вагонах. Вскоре поезд отправился в путь, но конечный пункт назначения пассажирам не назвали. Эта неизвестность настораживала всех:

- Девчѐнки, а вы не знаете, куда нас везут, - решила спросить Наталья у подруг.

- Мы знаем не больше тебя, - ответили ей, - не волнуйся, куда-нибудь да приедем, а дальше посмотрим, что к чему.

Этим «куда-нибудь» оказался обшарпанный вагончик в степи, рядом с которым пасся облезлый верблюд.

- Выходите, девки! - скомандовал старший, - прибыли на место!

- Где это мы? - испугались подруги.

- Не видите что ли? Это Саратов, здесь вам предстоит пройти курс молодого бойца.

Девушки успокоились, тем более что недалеко от станции находилась воинская часть, где они быстро привели себя в порядок и получили новое обмундирование.

Курс молодого бойца проходили месяц, а шестого января 1943 года вновь прозвучала команда «По вагонам!» Теперь поезд вѐз их в Мурманск.

Тяжело дался последний отрезок пути: не столько ехали, сколько останавливались по дороге из-за частых бомбѐжек. Правда, налёту подвергались другие объекты, но всё это время поезд вынужден был стоять на месте, а весь личный состав прятался в ближайшем лесу.

В Мурманск прибыли тринадцатого января. Здесь Наталья была зачислена в 1-й корпус ПВО, второй отряд шестого отдельного дивизиона аэростатов заграждения 14 армии Карельского фронта.

Задачей отряда была защита порта и прибывающего транспорта (кроме своих, прибывали английские и американские корабли) от вражеских авианалётов. Для этого в воздух поднимали аэростаты, которые препятствовали пролёту вражеской авиации. Позднее, за отличное исполнение своих обязанностей, Наталье присвоили звание ефрейтора.

Аэростат поднимали в воздух семь человек – по трое с каждой стороны дирижабля, плюс один ведущий. В поле, на биваке, в землю уже были вбиты специальные крюки, к каждому из которых крепили по одному аэростату, а всего таких точек было 54. Но к каждой из них этот дирижабль надо было ещё подвести, для чего применялись лебёдки, расположенные на грузовых машинах-полуприцепах. До десятиметровой высоты поднимали на канате, прикрепляли мину разрывного действия, дальше канат соединялся с тросом, после чего вся эта конструкция поднималась на высоту от одного – до полутора километров.

Высота могла варьироваться в зависимости от ситуации, но главное условие: дирижабль должен быть скрыт за облаками. Тросик с миной было трудно обнаружить, и «рыба», бывало, клевала на такую «удочку». Но «улов» случался нечасто – аэростаты больше служили для отпугивания врага, мешали ему совать «нос» куда не следует.

«Доблестное» Люфтваффе очень боялось таких «подарочков». Напоровшись на трос, самолёт первым делом резал себе крыло, а тут и мина как раз подтягивалась – отведаете ка нашего гостинца! Вместе с самолётом разрушался и сам аэростат.

Опасное ли это было занятие? А вот представьте себе дирижабль длиной до девятнадцати метров, наполненный водородом – самым взрывоопасным газом. Малейшая искра, оплошность, и аэростат мгновенно взрывался, унося с собой жизни людей. Наталья Марковна поведала об одном таком происшествии, когда в соседнем подразделении погиб командир. Аэростат сорвало с креплений во время шторма, а командир попытался его удержать. Внезапно раздался взрыв, и человек был попросту разорван на части.

Ночное зарево

Однажды, с Натальей произошёл и такой случай: северной зимней ночью стояла она на посту. Неожиданно небо вспыхнуло, загорелось ярким светом. «Враг идёт!» – решила она и тут же подняла тревогу.

Вскоре прибежали командир расчёта, дежурный и моторист. Приняли её взволнованный рапорт и неожиданно начали смеяться. Оказалось, что это было северное сияние, которое Наталья увидела впервые. Шутки по поводу того, как она приняла природное явление за происки врага, ещё долго звучали в её адрес.

Кроме охраны объектов и работы с аэростатами, приходилось участвовать и в конвоировании грузов. Так, третьего октября 1944 года из Мурманска в Москву отправили колонну грузовых машин с зачехлёнными кузовами. Сопровождал груз старший лейтенант, который выбрал себе двух помощниц, в том числе и Наталью. Дорога заняла три дня. Прибыли на станцию «Белокаменная», где и сдали груз. Что было в машинах, так никто и не узнал, так как вся операция была строго засекречена, а посмотреть, что они везут, девушки не решились. За выполнение ответственного задания, по возвращении в часть, они получили по 10 дней отпуска.

Там же, в Мурманске, Наталья приняла решение вступить в ВКП (б). Это предложение на одном из собраний ей сделал молодой лейтенант, исполнявший обязанности председателя комсомольского бюро.

Наталья с радостью согласилась, но всё равно немного испугалась:

- А вдруг вопросы задавать будут, и я не смогу ответить? – испуганно переспросила она лейтенанта.

- Не бойся, - поддержал он её, - справишься.

В партию вступили вместе. Немного позднее, она стала членом партийного бюро корпуса.

С американским приветом

Однажды всё закончилось. Вечером Наталья находилась в землянке со своими сослуживицами, как вдруг заходит командир расчёта по фамилии Мухаммедов, говорит: «Сегодня ночь будет бурная, ждём особых вестей!»

А на следующее утро, едва успели проснуться, он же и сообщил о Победе.

«И вот тут началось! – с улыбкой вспомнила Наталья Марковна тот день. - Шум, гам, крики, объятия и поцелуи – сильно досталось девушкам,

так как пользуясь случаем, каждый старался нас поцеловать. Хорошо, что наша часть состояла в основном из женщин!

Когда все немного успокоились, поступает другая команда: «Начальник штаба части (а звали его Лев Борисович Лемке) приказал написать на аэростате «Мы победили!» и запустить его. Получите кисти, краску, и – за дело».

Аэростат запустили на высоту 800 метров – чтобы все видели. Взмыл он в небо вблизи залива, напротив порта, и очень хорошо был замечен с моря. Смотрим – за ним последовали и другие.

Рядом проходили американские корабли, и тут мы услышали салют в нашу честь. Американцы приветствовали победителей! Правда, одним из залпов они угодили прямо в наш аэростат, который улетел за сопки. Делать нечего – отправились мы к месту его падения на поиски, целый день промаялись, но нашли, свернули его «колбаской», выжали весь водород, взвалили на плечи и понесли обратно в часть. Вернулись только ночью, уставшие, но довольные. Нам тут же приказали выдать по 200 грамм водки и по 200 грамм мяса, чтобы мы отпраздновали победу, пусть и последними».

Домой!

Демобилизовались девушки 8 августа 1945 года. Перед отправкой, как и положено, – торжественное построение, поздравления, речи. Правда, у вояк на уме было на этот момент другое: «Как же мы, победители, поедем домой оборванные, в старых шинелях и стоптанных сапогах. Нет уж!»

Наталья набралась храбрости и говорит командиру дивизиона Покопцеву:

-Мы не поедем!

- Почему? Что такое! – удивился тот.

- Мы честно отслужили, товарищ командир?

- Конечно честно!

- Ну и проводите нас так, как вы бы провожали своих жён: оденьте в новую форму!

Командир тут же отдал приказ всех распустить, отчего девушки немного приуныли, но на следующий день поступило новое распоряжение: «Получить новую форму!»

На новеньком обмундировании ярко сверкали заслуженные награды – орден Отечественной войны 2 степени, медаль «За оборону Советского Заполярья», а кирзовые сапоги и американская шинель из

тонкого сукна болотного цвета превратили Наталью в настоящую красавицу – в такой форме не стыдно и домой отправляться!

Отъезжающим полагался паёк – каждому по три банки тушёнки и по десять сухарей. А так как демобилизовались женщины, решили им сделать дополнительный подарок: по четыре метра байковой ткани и по куску мыла – всё, что смогли на тот момент выделить, но и такая мелочь на тот момент считалась большим богатством.

Обратно, до Серпухова, наша героиня добиралась на поезде. Разруха и запустение предстали перед её глазами, руины городов, сожжённые деревни, в которые понемногу начала возвращаться жизнь, но поражало и настроение людей – несмотря на потери, они радовались что выжили, что жизнь вновь вернулась в нормальное русло. А города можно отстроить заново, и краше прежнего!

Из семи девушек, отправившихся в декабре 1942 года из Тулы – в Саратов, домой вернулись шестеро. Только одна Дуся Вилочкова навсегда осталась лежать под северным небом. Она попала в зенитную часть, задачей которой была охрана железной дороги, ведущей к Мурманску. После одной из бомбёжек на станции Кемь, она погибла и была похоронена в братской могиле.

Мирная жизнь, семья - это уже другая история. Сейчас Наталье Марковне Ермиловой 98 лет, а когда она рассказала мне эту историю, ей было 96. Проживает в том же доме, в селе Кузьмищево Тарусского района Калужской области. С каждым прожитым годом всё чаще она возвращается к воспоминаниям о своей обожжённой войной юности. И каким-то теплом отдаются прожитые годы в её сердце – ведь она принадлежит к тому поколению, благодаря которому жива и будет жить Россия!

Вадим МАЛЬЦЕВ

Кузьмищево – Таруса. 2018г. Доработан в феврале 2021г.

Елена Ломовцева

Ангел-хранитель

ОН сидел на крыше обыкновенной панельной пятиэтажки и смотрел на восходящее солнце.

Если присмотреться, ОН был не один. Крыши домов уже достаточно четко просматривались, и ОН наблюдал за такими же, как ОН сам. Кто-то также, молча, сидел и болтал ногами, свешенными с парапета, кто-то подсматривал в окно, стоя на балконе, а кто-то нетерпеливый, то молнией взмывал к солнцу, то камнем падал обратно вниз в точку взлета. Да. Среди таких, как ОН, были разные и по характеру, и по темпераменту. ОН, хоть и был достаточно молод, считал себя сдержанным и рассудительным. ОН просто ждал.

Сейчас в квартире 48 этой серой невзрачной пятиэтажки совершалось таинство, чудо! Зарождение жизни! У них было не принято осуждать кого-либо, и все же ОН с неодобрением смотрел на своих товарищей, которые не могли удержаться и пытались наблюдать за этим тайным действием, притаившись на балконах, заваленных старьем и ожидающим своего времени года спортивным инвентарем.

ЕМУ, впрочем, как и тем, с балкона, не надо этого видеть, их даром было безошибочно почувствовать зарождение новой крошечной живой души. И ОН почувствовал! Это сродни человеческим мурашкам. Волна эмоций прокатилась через все тело, и теперь ОН был уверен, что тот, кого ему доверили хранить, оберегать, отводить от беды и жизненных ошибок уже здесь, он существует, неумолимо растет с каждой секундой во чреве своей матери до того момента как впервые увидит божий свет.

Спешить было некуда. У матери его человека, конечно же, был свой ангел-хранитель, который сейчас тоже где-то сердцем наблюдает за происходящим, и которому не менее важно, чем ЕМУ самому, сохранить это крошечное живое существо, которое сделает его человека, женщину, самой счастливой на этой планете!

«Будем знакомиться» - подумал ОН. Теперь этим ангелам долго работать в связке. Даже после рождения ребенка, мать и дитя будут одним целым много счастливых минут, дней, месяцев.

Это период новой жизни любой ангел-хранитель назовет самым легким. Но это был его первый человек, и именно с ним вместе ОН будет познавать легкость и тяжесть всех жизненных периодов. Конечно же, ОН волновался. Такая ответственность! Теперь уже не посидишь вот так на

крыше, если только вместе с человеком, в минуты, когда ему захочется побыть одному и подумать.

Люди, конечно, догадываются о существовании таких, как ОН. Этому есть огромное множество подтверждений. Кто-то опоздал на самолет, который потом потерпел крушение. Кто-то утром долго не мог найти ключей от машины, а позже на трассе проезжал мимо страшной аварии, случившейся за пять минут до того момента, как он здесь проехал. Кто-то опоздал на свидание и после долго горевал, потому что считал того, кто его не дождался, своей судьбой. В последнем случае, кстати, редко человек явно получает подтверждение правильности случившегося, но ОН-то точно знает, что так, а не иначе должно было быть для счастья и того, кто опоздал, и того, кто не дождался.

Но есть и другие случаи, после которых люди начинают сомневаться в существовании ангелов-хранителей, а если и продолжают в них верить, то ругают последних из всех сил, мол, где же ты был, когда случилась эта трагедия. Жаль, что нет возможности просто сесть с такими людьми и спокойно объяснить, что так было задумано свыше, что такова судьба, справедливость которой может стать ясной совсем нескоро, а может быть для человека ясности и вообще никогда не появится в этой жизни.

Такова судьба ангелов-хранителей. Такова ЕГО судьба. А сейчас все только начинается. И даже ЕМУ неведома дорога, которой пройдет его человек через свою жизнь. Будет ли она длинной или короткой, легкой или со множеством препятствий... Но что ОН знает точно – это то, что ОН будет рядом с самой первой минуты до последнего вздоха и сделает все, чтобы новой зародившееся на этой грешной планете жизни было как можно легче и счастливее пройти свой путь от начала до конца...

Масленица

Нашим бабушкам и дедушкам посвящается!

Палаша повалилась в сугроб вместе с подругами и громко засмеялась. Как же она любила эту неделю - «объедуху»! Правда родители у нее были людьми небогатыми, и им приходилось потом долго сводить концы с концами после всех хлебосольных угощений для соседей, родственников из дальних деревень и всевозможных друзей. «Ну, ничего», - оборвала промелькнувшие грустные мысли девушка и перекрестилась, - «Впереди Великий Пост, можно и поголодать».

Она вскочила, отряхнула новую, справленную ей матерью специально для этого праздника, юбку и цветастый, сползший на шею с

головы, платок, и побежала догонять своих беззаботно щебечущих подружек.

Мимо со свистом пронеслись яркие расписные сани, которые к масленичной неделе купил соседский парень Матвей. Ах, какой завидный был жених для всех деревенских девчат! Чуп густых кудрявых волос пшеничного цвета всегда торчал из-под шапки. Кушак красный. Грудь колесом. А как запоет да гармонь растянет, все девичьи сердца замирают, а лица краской заливаются! Правда, Палаша никогда не обращала на него внимания. Отец всегда говорил: «Руби сук по себе!» Вот она и рубила. Куда ей до зажиточных соседей. Такой к ней сроду не посватается.

- Прррр! – закричал Матвей, пытаясь остановить тройку запряженных в сани белых в яблоках коней, только успевших набрать скорость. Кони послушно остановились, но стояли беспокойно, переминаясь с ноги на ногу, всхрапывая и клубя паром холодного воздуха возле разгоряченных морд. Уж очень досадлив был им приказ хозяина, - Прыгай красавица, подвезем с ветерком! – парни, друзья Матвея, которые до отказа заполнили все места в санях, дружно засмеялись.

Палаша, непривычная к такому грубому вниманию, да еще со стороны первого парня на деревне, на секунду застыла, как вкопанная, а потом со всех ног бросилась бежать, сама не зная куда, главное подальше от этого срама!

Остановилась она только, добежав до покосившегося от времени, старенького сарайчика деда Егора, на самом краю деревни. Как же ей девчат догнать? Возвращаться на центральную улицу деревни, по которой Матвей катал своих друзей на новеньких санях, ей совсем не хотелось, но еще больше не хотелось в такой день домой возвращаться. Глубоко вздохнув, Палаша подобрала полы новой юбки и стала пробираться, утопая в глубоких сугробах, огородами на большую поляну на берегу мелкой речушки, где сегодня вечером будут сжигать чучело Масленицы.

Разгоряченная нелегким путешествием, да и воздух уже пах весной и не был настолько морозным, Палаша, наконец-то, добралась до заветной поляны и стала разыскивать подружек среди толпы народа собравшейся на гулянье и поглазеть, как чучело Зимы сжигать будут. Вдруг кто-то ее дернул за рукав. Ожидая, что это кто-то из девчат, Палаша с улыбкой обернулась и уже второй раз за сегодня застыла и онемела.

Это был Матвей:

- Ты что испугалась, глупая? – парень взял ее за руку и нежно заглянул в глаза,

- Не бойся, я ни о чем дурном не помышляю! Приходи, как чучело сожгут, к сараю деда Егора, я ждать тебя стану. Придешь?

Палаша молчала. Что-то все-таки ей мешало одернуть руку и крикнуть в лицо этому наглецу чупатому, что она ни за что на свете не пойдет ни к какому там сараю!

Матвей терпеливо ждал, не отводя взгляда. Вдруг кто-то окликнул парня:

- Эй, Матвей, вот ты где!

Он резко отпустил руку девушки, и пошел прочь, успев при этом шепнуть Палаше на ухо: «Приходи, я ждать буду!»

Первый раз за всю жизнь Палаша, так сильно любившая этот праздник, которых было совсем немного на веку простых крестьян, ничего не смогла запомнить: ни как чучело сжигали, ни как хороводы водили и песни пели, ни как через костер прыгали. Она все думала и думала о словах Матвея и никак не могла решить, идти ей к этому сарайчику или домой бежать со всех ног. Ведь сук-то по себе рубить надо! А вдруг он посмеяться над ней решил или того хуже?...

Подружки домой позвали. Палаша все-таки решила: «Была, не была! Если, что, как только речка ото льда вскрыется, прыгну с обрыва в нее от срама людского!» и, простившись с девушками, под их удивленные взоры, решительно направилась к месту назначенной встречи.

Вначале ей показалось, что никто ее здесь не ждет. Было темно, тихо и не видно никаких следов. Ну, кроме следов ее маленьких сапожек, которые, покружив на месте, удалились в сторону деревенских огородов, укрытых глубокими сугробами снега.

Матвей подошел к Палаше сзади, обнял ее, развернул к себе лицом и, не сказав ни единого слова, крепко поцеловал в губы...

Они гуляли до первых петухов. Все никак не могли расстаться, а когда кончился Великий Пост, Матвей в Палашин дом сватов прислал.

...

- Бабушка! Расскажи, а как вы в молодости Масленицу справляли?

Пелагея заправила белый, как снег за окном, локон, выбившийся из-под цветастого платка, и отвернулась от почти оттаявшего окна. В избе было шумно. Ребятишки, ее внуки и внучки, собирались на улицу кататься с ледяной горки, разбросали кругом свои валенки и рукавички. Дочери накрывали праздничный стол. Сыновья во дворе рубили на поленца дрова, чтобы истопить баню и печь для пирогов. Бабушка вздохнула: «Жалко, что мой Матвей не видит, как выросли его дети, как веселятся внуки. Да нет же! Все он видит с небес! И гордится ими, радуется за них... И любит ее, как всегда любил с первого дня той далекой Масленицы и до последнего вздоха!»

Весна

«Никак не угомонится!», думала она о своей сестре, отогревая своим свежим, пахнущим проклюнувшимися почками и блестящими смолистыми первыми листочками, дыханием мерзлую, успевшую выспаться за время зимней спячки и уже готовую родить новую жизнь землю.

Дождалась, терпеливая, прихода своего времени. Пока робкая, стеснительная, как будто незваная гостья на празднике. Хотя понимает, что ее все ждали и уже порядком заждались! Но Зиме обижать не хочется. Пусть похозяйничает напоследок. Ведь день ей уже не подвластен. Только ночью, пока никто не видит, затянет льдом растаявшие за время все более долгого и теплого дня лужи. Да и то, с каждой ночью лед все тоньше и не увереннее.

Она не обижается! Любит сестру свою! Все равно время Зимы уже прошло и скоро властвовать ей безраздельно до жары. Наряжать яркой зеленью города, деревни, леса, поля и рощицы. Она всегда очень гордится своими изумрудными нарядами – свежими, не запалёнными, не то, что у Лета!

Но прежде, чем благоухать и красоваться надо привести все в порядок на свой манер. Зима вот снегом все укрывает, а она спешит травой засеять. Люди есть люди, их не переделать. Приходится выкручиваться как-то...

Солнышко к ней поближе спускается, понимает, что не только светить теперь надо, но и греть, хоть и не так сильно, как для Лета, но, чтобы травкам да листочкам на деревьях тепла хватало расти и всех вокруг радовать!

Деревья, друзья ее закадычные, просыпаются, потягиваются своими ветвями в разные стороны после долгого сна. Колышут облегченно на ветру своими кронами, за время Зимы отяжелевшими от мороза и влаги замерзшей. Каждого друга Весна обнимет, согреет, те от радости почки свои ей навстречу пооткрывают. И все вокруг как будто в зеленоватую дымку укутается, но не от холода, а для красоты и жизни!

С делами разделается и на глазах из хозяйки хлопотливой превращается в девчонку шестнадцатилетнюю влюбленную. Гормоны ее по всей земле играют – от бабочек до слонов! Люди и те каждый вечер на свидания бегать начинают, не смотря на дела насущные! Тут, конечно, от слез сентиментальных реки из берегов выходят! Чуть что, в слезы. Но от слез этих дождливых только краше становится – яркая, душистая!

А в мае, когда чувствует, что время ее к концу подходит, злиться начинает, что на нее вообще не похоже. Ругается, как матрос в порту. Небо от ее крепкого словца громом содрогается так, что за версту слышно! А сколько деревьев невинных молниями пожгла, самой вспомнить страшно! Но не одно из них потом она не забывает. Извиняется изо всех своих девичьих сил, а на следующий год, в следующую свою пору, над обгоревшими головешками тоненькие зеленые расточки появляются.

Так и живет в свое время – ветреная влюбчивая красавица. Вся жизнь на земле на ее хрупких плечах держится.

Наталья Мейн

Песнь Весны

- Слушайте Ветры буйные, морозящие! Слушайте Морозы крепкие, трескучие! Слушайте Вьюги снежные, метельные! Слушайте слуги мои верные! Пришел наш черед уходить в страны дальние, холодные. Собирайте всех моих друзей - помощников, собирайте богатства россыпные - серебро, бриллианты. Пора собираться в путь - дороженьку. Ярило - Солнце природу пробуждает. Заждалась она, крепким сном объятая. Идет смена моя, сестрица родная - Весна-Красна.

Легкой поступью спешит, неустанною. Махнет правой рукой - расступаются снега талые, текут ручьи быстрые. Махнет левой рукой - пробуждаются цветы да травы.

Там, где ступит - проталинки. Там, где взглянет - прольется лучик золотой, сродни Ярило-Солнышку.

- Раз в год встречаюсь я с тобой Весна-Красна. Сдаю тебе работу свою. Служил я верно Земле-Матушке, сон глубокий навевал на природу. Хранил каждое зернышко, каждое семечко, чтоб тебе, Весна-Красна, пробудить в нем силы крепкие, могучие.

- За добро да ласку, - отвечает Весна-Красна, - благодарствую тебя, Мороз Зимович. Исполню я волю Земли-Матушки, волю священную.

- Пробуждайся ото сна Природа! Пробудись ото сна Земля-Матушка! Расступитесь снега высокие! Утихайте ветры буйные! Свет Ярило-Солнышко, обращаюсь к тебе, родному батюшке! Ты пусти лучи свои яркие, обогрей ты пташек сизых.

Вы, краса Земли, цветы разные - подснежники, первоцветы, лютики, колокольчики! Пора вам пришла украшать Землю родную. Вы раскройте свои души нежные, разнолепестковые, да восславьте красой весь мир земной. Обогрейте сирого да убогого. Если грустен человек - спойте песню бодрую, прозвените звон колокольчики. Если зол человек - прошепчите слова нежные, любовные. Если добр человек - поклонитесь ему низко в ноженьки - одного вы с ним звания - чистого и высокого, от любви живете и любовь несете.

- Эй, вы чуда лесные, дети малые! Вы ведите хоровод, славьте мир лесной. Эй, вы феи сладкоголосые, вы - русалки озорливые - мир звенит, светом ярким налит, и любовь зовет, пробуждает вас!

- Здравствуй Царь Лесович и Царица! Поручаю вам, в лесу, храм любви творить - изобилие и разноцветие - на радость людям, пташкам, да зверушкам.

- Здравствуй поле и река, и озера глубокие! Здравствуй, мил человек!

Это я пришла, Весна звонкая, - с талой каплей, с первым цветением, со светлой любовью, с силой животворящей!

Ты будь, человек, сродни Солнцу яркому - обогреется Земля!

Ты будь, человек, сродни Морозу Зимовичу - заботься о ней.

Ты дари, человек, всю любовь свою птицам звонким, цветам ярким, небу синему!

Возликуй, человек, силе жизненной!

Весна-Красна идет по Земле!

Служба Контроля

На Зитар, как всегда, была деловая атмосфера, слегка припудренная благожелательностью и респектабельностью, об истинных качествах которой знала только Служба Контроля. Кто такая Служба Контроля толком никто ничего не знал. Где она обитала, и где была ее контора, а может, ее и не было вовсе - об этом было неизвестно. Лишь иногда отдельные личности смутно догадывались о ее существовании, но под тихим шепотом мутноактивной жизни, слабые проблески каких-либо догадок исчезали и, если изредка и всплывали на поверхность, то только для того, чтобы быть тут же забытыми.

Итак, на Зитар. в который век или тысячелетие, стояла деловая атмосфера, приближенная к состоянию активности муравьев, заботящихся о своем жирном куске хлеба. Слабое усвоение жизненной силы, приходившей из Космоса и благотворно влияющей на все живущие на Зитар сообщества животных и растений, ставило эволюцию человека под угрозу медленного, но неуклонного вымирания. Мощь его деяний была невелика, и в силу своей ограниченности, человек, так же как и трудяга-муравей, не видел дальше своего носа.

А кое-что видеть и наблюдать было бы неплохо. Хотя бы для того, чтобы увидеть как постепенно, год за годом, над планетой скапливались грозные тучи. Тучи, предвещавшие вовсе не дождь, орошающий плодородные земли Зитар, а грозные тучи бед и несчастий, пока еще слабые и почти неуловимые, в легкой дымке пронесившиеся над городами и поселками, вбирая в себя эманации отходов жизнедеятельности всего живущего на этой планете.

И нельзя сказать, чтобы так уж плох был животный и растительный мир этой планеты, чтобы выделять из себя такие злобные флюиды. Даже, наоборот, многие животные относились к человеку благожелательно и

почтительно, отступая вглубь необжитых им еще земель, и ценой своей маленькой жизни давая подняться человеку по эволюционной лестнице бытия. Растения верой и правдой служили своему господину, не оставляя себе даже глотка жизни, лишь бы дать человеку вовремя завершить эволюцию жизни, предначертанной согласно Плану Наивысшего. Ответ напрашивался сам собой - породителем вредных эманаций был сам человек.

Как же так! Трудившийся в поте лица, с лопатой и киркой, в соленом поту добывая несчастный кусок хлеба, неужели он не достоин лучшей жизни? Однако, те же, кто путем спекуляций и жизненных ухищрений смогли добиться лучших результатов в своей жизни, улучшая ее за счет горба нижестоящего, и, конечно же, считавшие себя людьми, достойными уважения и подражания, были далеки от правды еще дальше.

...Служба Контроля, четко следовавшая Планам Наивысшего, не могла дать разрешение на запуск новых эволюционных программ, пока экзамен на усвояемость предыдущих еще не был сдан. Планы ввода новых энергетических структур неминуемо бы разрушили хрупкий и несовершенный жизненный аппарат людей, научившийся только переваривать пищевые забросы в организм, и с грустью констатировала, что это умеют делать даже примитивные животные.

Служба Контроля была в растерянности - рушились Великие Планы Творца. В любом случае, новой, запущенной в жизнь планете грозила скорая гибель. Планета, как неудавшийся эксперимент, должна была быть уничтожена. Оставался лишь один вариант, довольно удачно прошедший испытание на некоторых планетах многоликого Космоса. Это был план Десанта.

Добровольцы с нескольких Планет Высшего Порядка предложили свои кандидатуры. Отбор был жестким. Предстояла ассимиляция среди жителей далекой и незнакомой планеты с целью принятия на себя всего груза колоссальных энергий Космоса, преобразования их в менее энергетические, но зато легко усвояемые жителями этой планеты.

От добровольцев требовалось не только быть проводниками эволюционных энергий Космоса, не только быть непосредственными движителями эволюции, но требовались и нечеловеческие мощь и воля, сохраняющие проводник в чистоте, чтобы не быть случайно стертыми в битве жизней на этой планете, и не ассимилироваться с животными эманациями человечества. В таком случае Высокой Личности грозила бы потеря своих наработок, и Служба Контроля была бы вынуждена отключать Высокий Проводник от приема энергий Высшего качества, так

как вибрации уже нечистого проводника привели бы к возрождению в обществе звериных инстинктов, и не вели бы уже к эволюции. Проводник же в таком случае терял свои лучшие качества, становился простым обитателем этой планеты, и должен был бы эволюционировать наравне со всеми, поднимаясь снова по лестнице развития.

Каждому из добровольцев было дано время подумать, прежде чем он приступит к этой сложнейшей работе. Предстояло общение не с себе подобными, а существами, стоящими на более низкой ступени развития. Сложность работы была еще и в том, что все Проводники были рассеяны по планете с целью наибольшего охвата площадей в своей нелегкой миссии. Жить они должны были так, чтобы не вызывать подозрений у местных жителей, занимаясь обычной трудовой жизнью. Не каждый житель Высших Миров способен на такой подвиг, но каждый с течением времени может его совершить.

Итак, Великий Десант состоялся. Прошло немало лет, и пришло время планеты совершить переход в Новый Эволюционный виток Спирали. А как же наши Проводники? Что стало с ними? Где они?

Служба Контроля, следя за ними год за годом, была вынуждена отметить, что часть Десантников настолько свыклась с жизнью на этой планете, что не только забыла про свои обязанности, которые были запечатлены в кодовой записи каждого добровольца, но и потеряла чистоту своих проводников. Лишь отдельные личности помнили - откуда они пришли.

Другая часть под злобным оком обитателей планеты не решалась утверждать Величие Космоса, они стали осторожными. Многая часть Высоких Проводников, оклеветанная и непонятая толпами, была уничтожена - сожжена на кострах, распята на кресте, многие из них приняли жестокую смерть. Космические Спасатели человечества не были поняты и, следовательно, приняты на Зитар. Их Законы Любви и Жизни, как неотъемлемые Законы Космического Развития, были осмеяны, поруганы и отвергнуты.

Последняя мощная волна энергий должна была прокатиться по планете, чтобы всколыхнуть память оставшихся работать на ней Десантников. В последнем мощном всплеске оживить их к действию, прочистить накопившуюся веками грязь их проводников, чтобы выполнили, наконец, они свою предначертанную задачу - уничтожили смертоносные облака разрушения, окутавшую смертельными путами планету, и приняли на себя всю мощь Космических Энергий, тем самым сработав, как трансформаторы и преобразователи Жизненной Силы. Ведь именно они, и через них сработает Космос в нужную минуту.

Наступало время испытаний, и сдачи экзамена на прочность Познания и Утверждения Великих Правил Жизни Космоса. Служба контроля приготовилась к очередной проверке Десантников, посылая сигналы, неуловимые другими, более жесткими обитателями планеты. Эти позывные могли понять только они, посланцы Великого Десанта, если они еще не совсем разрушились, как личности более высокого порядка.

... Предрассветный туман застилал утренний город. Еще дышали сумраками ночи улицы и скверы, и еще не пели под окном птицы, как резкая мысль, прозвучавшая в спящем мозгу, обожгла память.

Вопрос был короток и прям:

- Ты точно помнишь, зачем пришел на Зитар?

В мгновение ока перед глазами пронеслась вся жизнь - от первых детских впечатлений, до последних предательств - слепых и ненужных. И вся жизнь - слепая и ненужная, превратилась в маленькую точку никчемности, сжигающей подло и безрассудно бесценную Влагу Жизни, тот Жизненный Элексир, который способен рождать целые миры, драгоценные жемчужины Космоса.

... Прозрачно-хрустально проплыли облака, мысль светлой птицей взметнулось в небо, увлекая за собой светлые образы Дальних Миров. Прохладные струи Космических течений мягко обведали разгоряченный ум... Впереди занималась алая заря рассвета, предвещая возрождение нового дня и новой жизни!

Он вспомнил, зачем он пришел на Зитар!

Кто еще???...

Сила слова

Жил один судья и имел он власть над людьми, и были сильны его речи.

Приводят к нему преступника, он и говорит:

- Ты не проживешь и дня.

И преступника под утро находили бездыханным, так сильны были его слова.

И привели однажды к нему бедного старика, который якобы украл краюшку хлеба у своего соседа богача.

Недолго думая, судья и говорит:

- Ты виновен, старик, не доживешь и до утра.

И нашли наутро старика бездыханным.

А богатый сосед обрадовался, ибо не за краюшку хотел бедняка наказать, а прибрать к рукам его землю.

Посмотрел Бог сверху на такое безобразие, явился сам к судье и сказал:

- Не умеешь вершить суд. Мысли человека должны идти от справедливости и сердца, ибо только через это проходит в ваш мир моя сила, а не от глупого ума.

И отнял Бог у судьи голос, чтобы не мог он больше желать кому-то смерти, ибо слова имеют силу. С тех пор стали рождаться на земле картавые да немые, те, которые когда-то ввали, поскольку речи их были не от Бога, не от справедливости и любви к миру.

Да пожелаем же всем людям говорить только правду, идущую через сердце и любовь.

Макс Новиков

Прием граждан

Кому случалось созерцать дело рук своих? Вероятно, многим. Строитель вам укажет на дом, который вырос на пустыре благодаря его стараниям. Автослесарь легко выберет из потока машин те, что всё еще тарахтят, и только потому, что это он, механик, приложил к ним золотые руки. Примеров великое множество. Да, огромное счастье в труде, в созидании вещей, призванных служить нам во благо. А что покоится в основе, скажем, того же моста?... Хм, интересное предположение, но я не о его опоре. Конечно же, это Идея. У архитектора возник замысел, который воплотился, пройдя все конкурсы, утверждения, кипы документации, чертежей и прочего.... И вот уже мы с вами подъезжаем с душевным трепетом к огромному стальному атланту, ухватившемуся цепкими армированными руками за оба берега реки. Идея! И потом только воплощение. Композитор, художник, писатель – все они изначально пишут и творят в своих светлых головах. Один уже составил партии для скрипок и виолончели, звучащие в унисон, другой подобрал палитру холодных тонов, и вот-вот на холсте озябнут ивы у застывшего во льдах пруда. А третий, тот, что пишет в полумраке, сидит, почти недвижим, но треск пера разносится чуть слышно и мысль разума отчаянно кипит. И взгляд его, я вам признаюсь, всепожирающим огнем горит, что тот лесной пожар; и губы сжаты тонкой нитью, – писатель не дает себе и грамма отдыха вкусить.

Но вот в чем штука происходит крайне редко. Порой материальный мир, соприкасается с миром грез, и царство Морфея совсем чуть-чуть, едва заметно приоткрывает свои призрачные врата. Именно в такие моменты и творятся чудеса.

В одно лето мне довелось работать в N....ске. Посчастливилось снимать комнату у давней знакомой, совсем не старой женщины. И тут мне необходимо признаться: хозяйка квартиры – преинтереснейшая личность с игривым взглядом и нежной пышностью фигуры. А вот комнатенка досталась крохотная, но так как вы теперь знаете о том, что хозяйка была мне крайне симпатична, то вас не должен удивлять и тот факт, что всё, решительно всё мне нравилось в моем обиталище: и узкое окно в стене с цветочками на обоях, и стол мой чуть шаткий, и креслице невероятного удобства, и даже коврик под столом (по словам Марины, так звали мою знакомую, чтоб ногам помягче было).

Работа свалилась на меня, казалось, неподъемным грузом: два журнала шелестели в ожидании продолжения повести; газета нервно шуршала в предвкушении рассказа.

Мимо глаз моих, готовых поковылять со своих законных мест, пролетали ночи и тянулись дни. Июнь, июль – как миг... и я уже без сил.

– Ты бы хоть отдохнул, – со вздохом сочувствия сказала Марина, стоя в дверном проеме и безнадежно качая головой.

Заваленный россыпями бумаг, схем и планов, я даже вздрогнул: «Нервы не к черту!»

– Работы много, заботливая ты моя, – последовал мой ответ.

Раздался звонок телефона, который добавил мне беспокойства. Звонил редактор, и мы долго спорили о глубине характеров героев, о ритме эпизодов и о всяческих его недовольствах, после которых невольно появляется ощущение, что твой крохотный талант схватили, связали, жестоко избили и бросили в холодную яму. А потом оттуда, сверху кричат тебе: а-ну, напиши-ка теперь что-нибудь этакое!

Медленно положив трубку, я только внешне был спокоен и показывал невозмутимость чемпиона мира по игре в покер, но внутри меня прыгали, звенели и тряслись мельчайшие осколки моей нервной системы.

– Что ж ты себя так изводишь, – словно прочла моё внутреннее состояние хозяйка.

– Давай я тебе заварю чай на травах – поспишь!

Действительно, нужно было восстанавливать свои внутренние резервы, тем более я не хотел, чтоб Марина опять начала меня сравнивать с бледной поганкой, на кого я был похож, бесспорно. Мною была подарена одна из тех улыбок для этой хорошей женщины, которая несла в себе благодарность и смирение с неотвратимостью судьбы

– Марина, душа моя, что бы я без тебя делал! – воскликнул я, простирая руки к хозяйке квартиры, которая улыбалась и характерно покручивала пальцем у виска.

Но как только я дал согласие выпить чудо-напиток, моя благодетельница удовлетворенно взвизгнула, как женщина, которой удалось повернуть свой план (конечно же, коварный) и сломить мужскую волю. Взмахнув красивыми округлыми кулачками над головой, она упрыгала в кухню. «Чай, чай, чай... всё это очень хорошо, – подумал я, – но что мне делать с этой кучей материала? Как разобраться во внутренних переживаниях этих вот, например, трёх героев?»

Передо мной лежали схемы трех персонажей, которые необходимо было доработать, углубить их характеры. Первым моим

читателям они уже были симпатичны, а вот редактор журнала «N...ский вестник» как с цепи сорвался и не строчкой не был доволен....

О, а вот и «нянечка» моя показалась с чашкой горячего ароматного напитка в руках. Она поставила чай на стол, приговаривая, чтоб я пил аккуратно и не обжегся, а потом сразу ложился спать, и вообще ей надо бежать в магазин. От Марины вкусно пахло арбузом, спреем и выпечкой. Гораздо вкуснее, чем от чашки.... Что за женщина! И что за чай....

Минуту спустя с невыносимой горечью чашки было покончено. На дне чашки лежали какие-то листочки... какая-то приятная сонливость.... Нет, надо закончить с деталями! Я отстранил чашку, придвинул бумаги, и, открыв источник по событиям 1812 года, погрузился в исследование.

За дверью слышался сочный цокот копыт и храпение коня. «Телевизор Марина смотрит, что ли?» – подумал я. Но мне четко было слышно, как хлопнула входная дверь – хозяйки нет в квартире.

Поднявшись со стула, я направился посмотреть, в чем дело. Но мне и двух шагов не пришлось сделать – в комнату влетел вихрь. Гусар в мундире шитом по груди гербовыми пуговицами, с саблей на боку, на золоченом эфесе которой привязан голубой бант.

– Вот, сударь, я и нашел Вас, *parbleu* (*фр.ей-богу*)! – вскрикнул гусар, подергивая черными усиками.

От нежданного натиска стихии меня отбросило на стол, который качнулся, и на пол с него полетели мои записи. В голове молнией мелькнула неприятная догадка: может, это поклонник Марины, о котором она почему-то меня не преду... но подождите, какого черта этот тип в гусарской форме?!

– Вы к-кто так-кой? И что это за маскарад? – потребовал я объяснений, впрочем, голос мне изменил. Кавалерист одернул свой мундир, как и свои манеры, и, коротко кивнув, сказал:

– Ах да, *pardon* (*фр.извините*), я не представился. Скальковский Николай Августович, поручик Лейб-гвардии гусарского полка...

Да как такое вообще возможно? Я категорически ничего не понимал, кроме одного: надо взять себя в руки. Мне нужно было сделать три глубоких вдоха-выдоха:

– Имя это мне знакомо, но вот его обладатель – герой моей новой повести... он тоже гусар.... Но если Вы – это он. Что здесь такое творится?

Бравый военный ростом под потолок кивнул в сторону кресла, спрашивая разрешения и, получив таковое, сел. Он отвел назад своё оружие и начал излагать суть, рассматривая свои блестящие сапоги.

– Вы, сударь, изволили разрушить все мои мечты и чаяния! Как Вы, надеюсь, помните, я был влюблен, и сейчас люблю, дочку помещика П...

mademoiselle Lison (*фр. Мисс Луза*). Вижу, что помните, – Вы же нас всех и придумали, и смели изобразить. Так?! А теперь скажите мне, милостивый государь, почему я, офицер гусарского полка, имевший честь и удовольствие прогнать взашей французишек-мародеришек вон, должен опуститься до коварного похищения объекта своих воздыханий прямо на балу у графа К.; причем у всех на виду, – гусар упер руки в колени и продолжал, стиснув зубы: – А после я прихожу в себя на конюшне с болью в голове от чертовски сильного удара и от храпа какого-то пьяного дворового мужика, развалившегося на мешках овса?

Ко мне вернулось чувство уверенности, и мой гость более-менее освоился и стал разумнее.

– Гражданин Скальковский...

– Господин!

– Не то время, друг мой. Вы однобоко, субъективно обрисовали ситуацию. В повести Вы есть не кто иной, как страшный картежник, мот и, прошу простить меня за правду, бабник. Отдаю дань справедливости, Вы отчаянно храбрый офицер. Но всё Ваше воздыхание, обожание и преклонение пред кем бы, то, ни было сводится к самому древнему, после страха, инстинкту.

Гусар по-прежнему сидел в кресле, но сверлил меня взглядом, и я не позавидовал тем французам. Свет из окна падал узким лучом на широкие скулы и острый нос гвардейца. Лицо было полупрозрачным. Внутри меня похолодело, тем не менее, я продолжал:

– Так неужели я бы позволил Вам, гражданин гусар, Николай Августович, 1790 года рождения, уроженца Орловской губернии, от которого столько натерпелись дворовые девки в поместье Вашего почтенного отца, – позволил бы поступить Вам таким образом

– мы оба знаем каким – с чудесной барышней Елизаветой!

Здоровенный гвардеец теперь стоял у окна, пронизанный летним солнцем. Он о чем-то напряженно думал и в изумлении смотрел на вид из окна.

– Что же с ней стало, позвольте поинтересоваться? – чуть слышно произнес мой гость.

Я тяжело вздохнул, подошел к нему и усадил в кресло; на него было жалко смотреть: сгорбился, стал ещё бледнее, внутреннее свечение потускнело. Мне всё это хорошо было видно, я стоял рядом с ним, облокотившись на подоконник.

– Знаете, думать об этом сейчас не нужно, друг мой. Это за рамками Вашей роли. Идите же и кутите, танцуйте, деритесь на дуэлях – у Вас богатый выбор. Я написал Вас, изобразил, и Вы теперь живете своей

жизнью, насыщенной и многогранной. Исполняйте свою роль, когда читатель в очередной раз возьмет книгу в руки, – я выразительно посмотрел на дверь: – Не смею Вас больше задерживать. Прощайте.

Мой гость схватился за голову, и сквозь его сильные пальцы пробились черные шелковистые пряди волос. Он ударил кулаком по колену – сабля откликнулась стоном.

– Полноте Вам, сударь, оправдывать своё воображение. Черт побери – Я проигрался в пух и прах, понимаете. Эти господа из четвертого конного меня раздели до кальсон, образно сказать. А завтра я должен им коня своего отдать, – помните, у меня великолепный орловский иноходец... Гусар без коня – это что такое? Войдите в положение господин автор! Слышите, за дверью: как он бьет копытом... а зубы, ноги, спина! Напишите обо мне ещё, молю Вас. Отправьте в поход, на Кавказ, на турок... или лучше – глаза его сверкнули азартом, – лучше напишите, что я выиграл в карты!

Совсем не ожидая такого поворота его речи, я взглянул на него... да я уставился на него, будто впервые вижу.

– Выиграли в карты?

– Именно! Да, да!

– Что это, мой друг, Вас, верно, растрясло на Вашем иноходце, я полагаю!

Он бросился ко мне в ноги.

– Помилуйте, сударь! Я останусь ни с чем – кому я буду нужен? Я истаскаюсь хуже кабацкой девки.

С большим усилием мне удалось поднять его с колен, ещё больших сил стоило утихомирить экспансивную его натуру. Мы медленно подошли к двери.

– Бросьте игру, Николай Августович. Завязывайте с выпивкой (в комнате резало едким кислым запахом). Отдайтесь службе на благо народа, но не чинов, или вернитесь в поместье – займитесь полезной деятельностью. В труде, в заботах у Вас не останется времени на глупости, которые выжигают Вашу жизнь, самую личность. Я сделаю для Вас всё возможное, дабы Вы, мой друг, пошли по сюжетной линии твердой походкой, смело глядя людям в глаза. За сим я должен попрощаться.

За открытой дверью была необозримая даль лугов, там дальше – речка, косогор. Пред нами благодарно щипал зелёную траву орловский иноходец, в ожидании хозяина. Комната наполнилась полевыми запахами: залетел беспокойный мохнато-толстый шмель.

– Увидите Лизу – моё почтение! – крикнул мне гусар, гарцуя на красавце-коне.

– Прощайте... Adieu, Nicolas!

«Как же я увижу Лизу, хм?» – подумал я.

Невозможно было дать хоть сколь-нибудь вразумительного объяснения всему происходящему. Я ещё долго смотрел на крупные облака, плывущие над фиолетово-зеленой рекой, на синие тени этих облаков, бегущие по волнам пшеничного поля. Нельзя поверить, что это сон – слишком всё ощутимо, реально.

Дверь закрылась. Нужно возвращаться к работе, если это вообще возможно при таких событиях. Чудеса!

Я подошел к столу и, выпив стакан воды, принялся собирать бумаги. Комната начала заволакиваться сумерками. Что такое? Свет, до сего момента проникающий в окно смело и беспрепятственно, как будто чем-то прижало. Я выглянул из-за стола и посмотрел на окно: за стеклами преломлялся свет, словно он пробивался сквозь толщу воды; на полу играли солнечные разводы. Подойдя к окну, я увидел, что плоскость стекла превратилась в черное зеркало. Чёрт меня дернул потянуть за ручки оконных рам.... Чувства мои окаменели: вода стояла вертикально! Мне было отчетливо видно речное дно, покрытое илом и ракушками, корягами и рыбацкими сетями, истлевшими от времени. Пахло тиной, рыбой и речной прохладой.

Четно признаться, меня ещё потряхивало, но значительно меньше заставляло удивляться происходящее; а между тем взгляд мой был устремлен в глубину. Вдруг из самой толщи начали вырисовываться смутные очертания кого-то или чего-то. Рыба, человек, русалка? Нечто приближалось; различимы были тонкие белые руки, стройные плечи, пшеничные волосы, развевающиеся течением воды.

Это была девушка. Она выбросилась сквозь окно прямо в мои объятия, словно рыба на берег. Она обхватила мою шею холодными руками без сил и сознания. Ничего другого мне не оставалось, как бережно усадить очередную гостью в то же самое кресло, где бранился, гневался и плакал гусар. Набрав со стола бумаг, я начал обмахивать ими барышню, как раб какой-нибудь свою царицу опахалом. Девушка бредила, не шевеля губами: «Nicolas, mon ange (*фр.Николай, мой ангел*)...».

– Да что же это сегодня делается? Прием граждан по личным вопросам какой-то! – сказал я вслух, разводя руками и махая бумагами теперь себе в лицо.

– Девушка, женщина, очнитесь!

Пока я безрезультатно приводил в чувство молодую особу, у меня появилось ощущение, что мы знакомы. Высокая, стройная; небесно-

голубое легкое платье (на рукаве отсутствовала голубая лента); раньше была соломенная шляпка с большими полями и зонтик от солнца, кружевной такой. Откуда я могу её знать?..

Ну конечно! Такую озорную красоту вовек не забыть: легкий взгляд темно-синих глаз и ловкие точные движения (сейчас, разумеется, этого не видно). Это Лиза! Павловская Елизавета Федоровна, дочь помещика П. Она испуганно озиралась по сторонам.

– Ну что, пришли в себя, Лизонька?

Гостья провела нежной рукой по лицу, будто смахнула сон, поправила причёску и платье.

– Да... Вы меня узнали?

– Как же я могу Вас не узнать, – хмыкнул я, – когда сам же Вас и сочинил!

Я стоял и самодовольно восхищался созданным мною персонажем. Но меня скоро вывели из этого хоть и приятного, но недопустимого состояния, – барышня начала обретать силы.

– Вам же хуже, что узнали, – запищала она фальцетом. – Отвечайте мне сию минуту, *diable* (*фр. дьявол*), Вы зачем позволили такому случиться, что я бросилась в воду!? Я плавать не умею, я утопла.

В моих ушах звенели все колокольчики мира, одновременно приходилось припоминать всю историю этого голосистого соловья, её характер, слабости и темперамент. Наконец стало возможным продолжить разговор и быть при этом услышанным.

– У Вас, *ma petite* (*фр. моя маленькая*), слабые нервы и чувствительное сердце. Но я Вам скажу. Ваш отец хотел сделать Вам партию в лице графа К., потому как промотал всё наследство, увлекся рюмкой и стал в абсолютной степени никчемным человеком. Называя вещи своими именами, он Вас продать хотел богатому графу, и очень, надо сказать, за недорого! Да Вы и сами об этом слышали, прячась за беседкой в кустах акаций. Логично предположить.... Не надувайте губки, а послушайте. Так вот, логично предположить, что не имея влияния и прав, как и все девушки того времени, но обладая слабым психическим здоровьем и сильнейшей депрессией, Вы приняли решение идти к реке. С Николаем Августовичем-то Вам не позволительно было остаться, так? – я вопросительно посмотрел на эту белую розочку (строгого взгляда не получилось). – Или Вы хотели, чтоб дело окончилось браком со стариком, злым и желчным графом К...?

Она встрепенулась, как птица в густом кустарнике, посмотрела на меня снизу вверх немигающей синевой глаз и замотала премилой головкой, отчего золотистые локоны боязливо запрыгали.

– Нет, нет, боже помилуй.... Я хотела, чтобы мужем был Nicolas. Пусть без родительского благословения, всё равно согласна. Пусть бы он меня украл.... А ведь у него почти получилось, тогда, на балу. Но на него напали люди графа, а меня отвели в родительский дом и заперли. О! Я плакала два дня кряду и отказывалась спускаться к столу, – она всю проливали слезы и всхлипывала. – Я люблю только Nicola-a...

Мне было совершенно невдомек, что её чувства могут оказаться настолько сильны. Зачем же я так слепо шел на поводу редакторов, зачем так безжалостно ломал жизни своих персонажей, детей, по сути. Но как мне успокоить эту барышню из повести, молодую девушку из девятнадцатого века, которая сейчас сидит передо мною в кресле, заливаясь слезами.

«Ох, женщины, без вас нет мира в наших душах – и с вами миру не бывать...» – задумался совсем некстати.

– Хорошая Вы моя, Вы же его совсем не знаете, этого гусара, а вдруг он плохой?

– А мне всё равно! Я люблю его! – затопала ножками моя посетительница и, вцепившись в подлокотники кресла белыми тонкими пальчиками, так же вцепилась и в меня совсем не легким, но колючим взглядом.

Так вот значит, как выглядит любовь, или это страсть?

– Ну, а если бы он воспользовался девичьим легковерием, что тогда?

– Тогда бы и пошла к реке... или за графа замуж – всё едино, – Лиза смотрела куда-то в пол, точно не она это говорила, а суфлёр откуда-то снизу подсказывал ей.

– Что же Вы так, *mon enfant (фр.дитя моё)*, не стоит бросаться в омут с головой... – тут я осекся и прикусил язык. Утешенье обернулось злым каламбуром. Девушка разрыдалась с новой силой. Надо было срочно спасти себя и разговор.

– Хорошая моя, простите мой несносный язык, который живет порой отдельно от разума. Видите ли, почему с Вами всё так произошло, я объясню. Только не надо плакать. Держите платок. Так-то лучше. Мне нужен был трагический образ в повести. Редактор требовал усилить эмоции, а я спорил, но позже сдался, чтоб вашу историю напечатали. Кто такой редактор? Это такой человек, даже больше чем человек, который вас, героев литературных произведений, может сделать прекраснее, чем задумал автор, или до крайней степени изуродовать, – всё зависит от интеллекта. Так вот приходится иной раз идти навстречу и чем-то жертвовать, чтобы люди, читатели, могли взять и прочесть мою работу.

Ведь что для писателя имеет наивысшее значение? Общение с читателем через свои произведения. Нет книги – нет писателя, нет слова, нет мысли! Ваши глаза почти высохли.... Образ Ваш моя дорогая, был призван для создания большего эффекта. Дабы показать жестокость нравов прошлого, обреченность женщины, их бесправие и незаметность в обществе. Особенно страдали такие вот прехорошенькие цветочки, как Вы, *ma cher (фр.моя дорогая)*.

– *Mersi*, – улыбалась мокрыми глазами эта хитрюшка. Но тут меня уже понесло: – Больше скажу: я Вас создавал по образу женщины... – как это по-французски? – *Une femme pour aimer (фр.женщину, которую мог бы полюбить)*

Барышня вскинула тонкие брови и сделала порозовевшими губками букву «О».

– Правда?

– Ну конечно! И хочу Вас попросить не на что не отвлекаться, а исполнять свою хоть и трагичную, но оттого сложную и интересную роль ярко, с экспрессией, заставляя читателя переживать вместе с Вами. Вы меня понимаете?

Наговорил я ещё много чего, и всё было, как мне казалось, направлено на успокоение раздерганных нервов моей гостьи. Она слушала, молча, со вниманием, мелко кивая и почти не плача. Под конец нашего разговора барышня обрела в себе уверенность: черты лица её прояснились: глаза сияли радостью и детской весёлостью, а брови интересно изгибались, она чем-то невольно напоминала мне актрису Эмилию Кларк. Лиза взяла меня за локоть и вполголоса заговорила:

– Я знала, что не должна являться к Вам, *mon poete (фр.мой поэт)*, но непременно нужно было мне Вас повидать. Ах, если бы Вы знали, как мне пришлось настрадаться в доме моих родителей – настоящая темница. Право, я не в силах назвать теперь этот дом родным. Мой отец наговорил мне страшных слов, каких я не умею повторить вслух. Знаете, он недурной человек, но в тот день выпил графин вина и кричал – просто страсть! И глазищи такие выпучил, точно окунь в нашем пруду. А что касаясь тех тонкостей литературного творчества, о которых Вы так складно говорите, то оставим этот разговор, – для меня это недостижимая наука, хотя я и училась в губернской гимназии.

Я слушал её с упоением, и по сердцу моему растекалось приятное тепло, вызванное созерцанием единства замысла и результата.

– Может, редактор был прав?

Тем временем прелестница щебетала:

— Mersi, мой автор, я теперь совсем-совсем счастлива и спокойна. Пусть история окончилась так, а не иначе. Наверно, другой она и не могла быть. А с деньгами старика мне не было бы счастья, ведь сердце и душа моя принадлежали Nicola.

Она замолчала и отпустила мою руку. Выйдя на центр комнаты, гостью вновь кинула на меня прощальный взор.

— Я встречу Nicola когда-нибудь?

Нужно быть честным, прежде всего с самим собой: я очень хотел ей помочь и в тот момент просчитывал все варианты, но тогда ответа не нашёл.

— Как знать, дитя моё, как знать... Adieu (*фр.прощай*), Лиза...

Она взмахнула мне рукой, едва заметно улыбнувшись. Паркет под её ногами заволновался, стал зыбким и, обратившись в тёмную воду, поглотил гостью стремительно и безвозвратно.

Где ты теперь, моя фантазия, моя мечта!?

Всё стихло. Сырости не стало. В душе моей порвалась нить. И вновь комнатку застелило летнее солнце, и узкий свет падал на пол вновь; паркет был твёрд как прежде. Всё встало на круги своя.

Но только я вернулся за работу, мне в нос ударил резкий запах капельниц, бинтов, хлорки, — устойчиво обдало медициной. «Кого на этот раз несёт нелегкая?» — спросил я самого себя.

И тотчас в комнатку вкатился человечек на коротеньких ножках в белом халате, обтягивающим отвислое пузо. Всё это было увенчано огромной головой с прилипшими от пота реденькими волосами. Он смотрел на меня неподвижными желтыми глазами с красной паутинкой белков и зло щурился. Меня же вся эта чехарда начинала забавлять; а сей субъект мне был знаком. Это был один горе-врач из провинциального городка N...ской области. Человек желчный, честолобивый, но невежественный; ябеда, плут — словом преинтересный экземпляр. Сейчас будет меня бранить, на чем свет стоит.

— Так это ты меня придумал, так тебя разэдак!? — прокаркал он, сжимая толстенькие пальцы, блестящие от жирной копченой скумбрии. Мне было весело на него смотреть, а запах копченой рыбы пробудил во мне аппетит нечеловеческий.

— Именно я Вас придумал, а точнее срисовал. Что Вас привело ко мне? Изложите суть.

— «Что привело», он ещё спрашивает, господи помилуй! — доктор не мог отдышаться и оглядывался в поисках места посадки. Наконец он плюхнулся в кресло, не дожидаясь приглашения, и торчал оттуда как яйцо в кассете. — Ты из меня посмешище сделал какое-то, прости господи: ни

чего не знаю, ни чего не умею. Люди-то ко мне не идут, – от безденежья исхудал совсем, жру одну скумбрию.

– Ну, положим, копченую рыбку я и сам охотник отведать, правда, не всегда могу себе позволить.... А Вы не допускали возможности, что я имел сомнительное удовольствием встречаться с такими вот индивидуумами из мира медицины, оттого и нарисовал Вас?

– Где это Вы таких встречали? Такого бы уволили давно!

«Вы же работаете...» – Не важно где, но видел. Да Вы расслабьтесь Ананий Куприянович, сейчас мы всё обсудим. Выражаясь близкой Вам терминологией: вскрытие покажет.

– Вот! – он ткнул в меня пальцем, размером с палку «Краковской».

– Имя-то какое выдумали.

– А что плохого в имени Кеппен Ананий Куприянович? – искренне изумился я. – Звучит ведь!

Доктор Кеппен достал из оттопыренного кармана обрывки бинтов и вытер свои руки. Задумался и сказал:

– Имя-то, может, и звучит, да только что в нём проку, когда народ на меня хулу наводит, прости господи.

– Не спорю, народ и оклеветать может; но давайте разбираться, – я отыскал в бумагах на столе набросок характеристики и биографии доктора Кеппена А.К. – К Вам поступила некая Криворучкова А.. Вижу, помните. Которая, катаясь на велосипедах со своим молодым человеком в парке, упала и сломала руку. Так?

Доктор нервно перекатывал пальцами на коленях.

– Так, так... и что, и что?

– Смотрим на рентгенограмму: перелом локтевой кости со смещением, видите вот здесь, и отделением осколка... – я пристально посмотрел на мужчину в белом халате, тот был непроницаем. – Вы наложили лангету и, перекрестив руку, сказали: «до свадьбы заживёт». Доктор, Вы серьезно?

Он значимо тряхнул вереницей подбородков, глядя в окно из кресла. Я ждал, пока остановятся его колебания, ждал его ответа. Он прокашлялся:

– У меня народу тогда было много, времени мало, а медикаментов у нас вовсе нет, господи прости. Опять же с бумажками сидеть приходится до полуночи.... А она молодая – зарастёт само.

– За – рас – тёт... – пропел я, глядя в никуда. – А как же здоровье пациента, гуманность разная. «Молодая», говорите, ладно. А вот есть: мужчина сорока лет, жалобы на мигрирующие боли от поясницы к животу справа, отдаются в пах. Вы же ему чуть аппендикс не отщипнули!

На этих словах Кеппен повернулся ко мне.

– При пальпации живота он жаловался на боль в области печени – аппендицит.

Молчать мне было невыносимо:

– А мигрирующие боли? Направили бы на анализ крови, на УЗИ, к урологу бы направили. Может, и обнаружили бы камушек-то.

Кеппен сокрушенно мотал головой, прилипшие волосы не двигались.

– Все грехи на меня, господи прости, – он начал истово креститься.

– Послушайте, Ананий Куприянович, – нравоучительно заметил я, – врач, как и учитель – это призвание, это благороднейшая из профессий. Но случается, что иногда, крайне редко кто-то из медиков делает ошибку в словах «Hippocrat» (*лат.Гиппократ*) и «Hypocrit» (*лат.Лицемер*), в результате чего дает клятву не Гиппократа, а клятву Лицемерию. Для меня Врачи и медицина – наука, возвышенная над другими. И Вы, сами того не осознавая, были призваны в мир литературы, чтобы воодушевлять людей... на контрасте. Вам это понятно, доктор? Ну вот, смотрите: прочитает студент-медик из города N. Книгу с Вашим участием, сделает кой-какие выводы. И на лекции по тем же, например, железам внутренней секреции он не белорусских рэперов в наушниках будет слушать, а своего преподавателя; «незабудки» и «одуванчики» подождут. Это Ваше призвание – да, такое! – Призвание нести людям мысли, идеи, обличая пороки, недостатки и тем самым, возможно, искореняя невежество.

Доктор Кеппен пребывал весь во внимании.

– Играть отведенную Вам роль, Ананий Куприянович! Играть дерзко, нагло, самобытно, где-то развязно; добавьте больше жирных пальцев. Играть так, чтобы люди ужаснулись и сказали: ну уж нет, таким я никогда не стану! Вектор, думаю, понятен.

Мой собеседник развел руками.

– Ну, раз так обстоит дело.... В принципе, мне теперь-то понятно. Я грешным делом-то на Вас подумал нехорошо, господи прости.

С виду, без сомнения, доктор Кеппен производил отталкивающее впечатление, и к нему люди шли только от отсутствия выбора. На периферии такое случается. Но надо отдать справедливость, знавал я одного Врача, он и сейчас продолжает практиковать. Сам он уже в годах, маленький ростиком, стрижка ёжиком, и весь седой. Пришел я к нему поговорить «о наболевшем». Доктор провёл тщательный осмотр, проверил анализы, опросил меня, всё объяснил и назначил лечение, успокоил. Когда пришла пора нам прощаться, я говорю: «Вы уж извините,

мы писатели народ небогатый, возьмите шоколадку». Он мой искренний порыв рукой остановил и сказал так: «Мне совершенно всё равно, писатель ты, депутат или кочегар, погоны на тебе или наручники, – мне тебя вылечить надо, а дальше как знаешь». Мы с ним попрощались, и я покинул больницу с блаженным спокойствием. Вот такого человека я готов уважать и славить!

Доктор Кеппен стоял у окна и разглядывал халат, туго обтягивающий его живот; но отлетевшую пуговицу найти было невозможно. Он оставил это занятие и подошел ко мне с какой-то загадочной полуулыбкой. Одной рукой тянул меня за плечо, а другой гладил по голове. Черты его лица становились всё менее противны, потом в них появилась миловидная мягкость; и фигура приняла красивые изгибы.... Я стал узнавать перед собой образ хозяйки квартиры, лицо Марины с нежным взглядом. Да, это была она, чёрт меня побери. Она вернулась из магазина и нашла меня спящим за столом на бумагах, рядом стояла пустая кружка.

– Ты совсем себя не бережешь! Иди на диван, ложись, поспи, иди, – ласково говорила она. И я поплёлся на диван в объятиях Марины, в объятиях Морфея, и мне хотелось долго-долго быть в этих объятиях....

Контактная информация авторов

Александр Разумов «Алекс Разумов»	<i>razumow76@list.ru</i>
Алексей Тверитинов	<i>atveritinow@mail.ru</i>
Вадим Мальцев	<i>vadimmaltcev@yandex.ru</i>
Наталия Василькина «Наталия Меркурьева»	<i>n.vasilkina@yandex.ru</i>
Валерий Кириогло	<i>kirioglo56@mail.ru</i>
Максим Новиков «Макс Новиков»	<i>recon-0600@mail.ru</i>
Илона Скрябина	<i>ilona_vl@list.ru</i>
Елена Ломовцева	<i>modest-77@mail.ru</i>
Александр Самедов «Сам Александр»	<i>aleksandrsamedov82@mail.ru</i>
Наталья Каратаева «Наталья Мейн»	<i>karataevameindova@yandex.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 29

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам.

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф